

18+

Неведомый

Анна
Аскельд

Охотники за мирами. Темное фэнтези

Анна Аскельд

Неведомый

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Аскельд А.

Неведомый / А. Аскельд — «Эксмо», 2024 — (Охотники за мирами. Темное фэнтези)

ISBN 978-5-04-195613-4

Королевство Мегрия продано. Старый король предан собственным сыном, который заплатил высокую цену за корону, — тысячи жизней воронов-оборотней в обмен на власть. Удастся ли молодому королю Абнеру ее удержать и отдать долги Тацианской империи? Слепой бог тацианцев, пророк и мученик, некогда ослепленный воронами, собрал под своим знаменем тысячи тахери — убийц и фанатиков. Сможет ли Тит Дага, принявший лордство из рук убийцы своего друга, простить себя за это? И за то, что отдал в заложницы свою дочь? Простит ли его сама Рунд? И кто тот неизвестный, незримый, безликий, который вернет в мир украденную Абнером магию? Мегрия стоит на пороге раскола и новой войны. Сделает она шаг вперед или отступится? Первая часть мрачной дилогии «Неведомый» в редком жанре grimdark. История о человеческом предательстве, стремлении к справедливости, интригах и неоднозначных поступках. О событиях романа расскажут несколько центральных персонажей: четыре героя, четыре линии. Сюжет вдохновлен датской мифологией. Обложку для книги нарисовала Мария Вой.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-195613-4

© Аскельд А., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

	10
	17
	27
	36
	44
	52
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Анна Аскельд Неведомый

Иллюстрация на переплете Марии Вой

Дизайн макета Дины Руденко

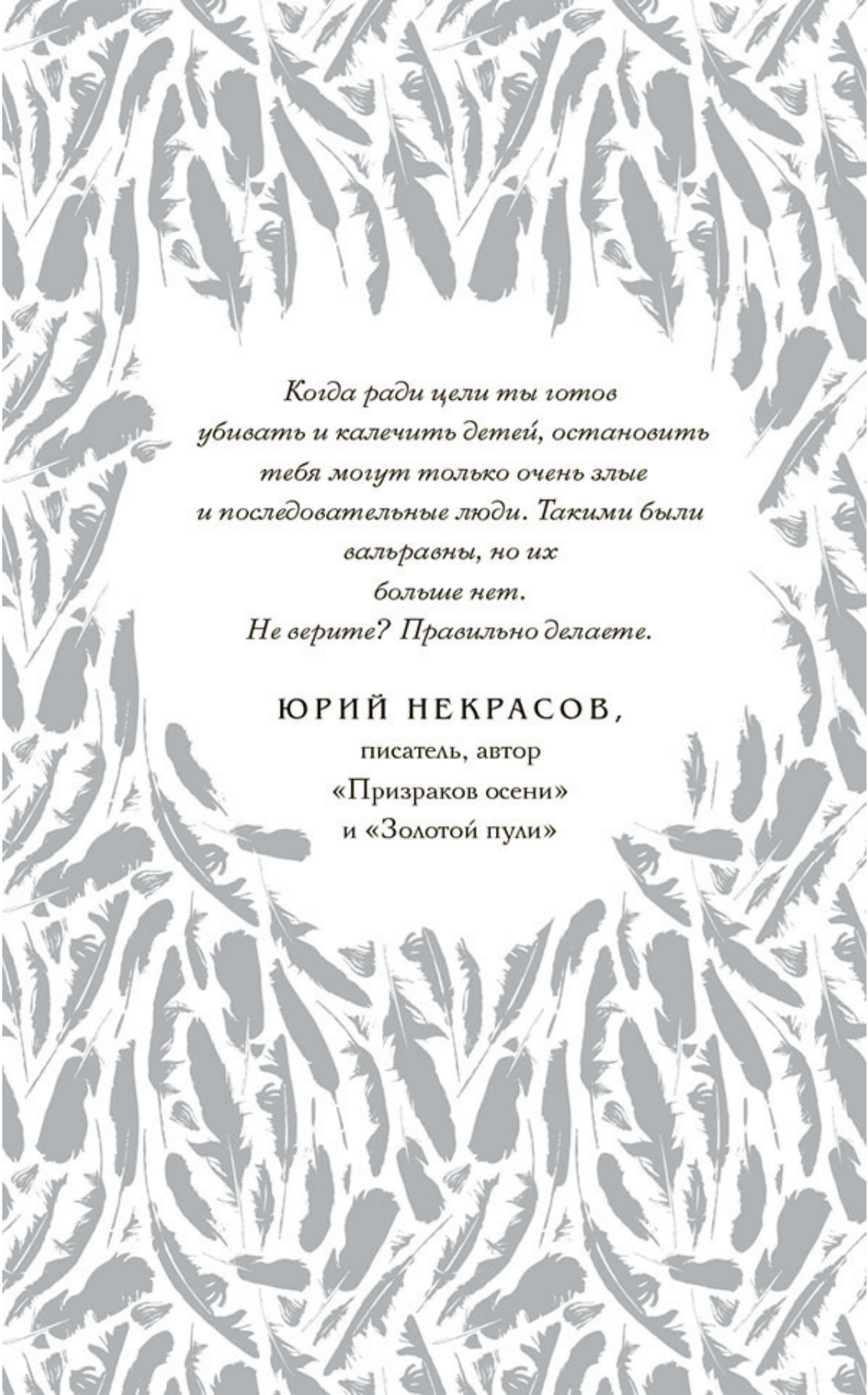
Дизайн обложки Кати Петровой

© Аскельд А., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

*Когда ради цели ты готов
убивать и калечить детей, остановить
тебя могут только очень злые
и последовательные люди. Такими были
вальравны, но их
больше нет.
Не верите? Правильно делаете.*

ЮРИЙ НЕКРАСОВ,
писатель, автор
«Призраков осени»
и «Золотой пули»

Глава 1

Дом

очь встретила Якоба криками и горьким дымом. Он окутывал задний двор, как наползающий на болота туман, и в нем мерцали такие же дикие огни. Якоб не до конца проснулся и сначала ничего не понял. «Глупый мальчик», – прошептал ветер и бросил под ноги кусок обгоревшего вороньего знамени.

Горт стонал. Красный зверь накинулся на замок – трескали дерево и раскаленный камень, повсюду сновали неясные тени. Якоб натужно закашлял и закрыл рот рукавом ночной рубашки. Помедлив, ступил босыми ногами на снег и тут же угодил во что-то скользкое и теплое. От запаха гари мутило, а голова кружилась – вечером лекарь давал сонное молоко. Якоб наклонился, протянул вперед растопыренные пальцы – и поднял с земли конец тонкой кишки. Такие же вываливались из нутра людей, которых крестьяне приводили в Горт на Урбон.

Пар поднимался над свежей требухой, кровь собиралась в жертвенные чаши, и Якоб вспомнил солоноватый привкус на языке.

Вот только Урбон давно прошел.

Якоб взглядом проследовал за натянутой кишкой и, подойдя ближе, узнал в лежащем человеке одного из отцовских воинов. Рыжий Боред смотрел удивленно, будто не мог поверить, что кто-то его одолел. Когда Якоб перед сном выглядывал в окно, Боред стоял в карауле, отхлебывал из фляжки и хохотал, радуясь грядущей войне. «Весной, не раньше» – так сказал отец плачущей матери. Однако, судя по всему, тацианцы решили иначе. Кто-то распорол Бореду – от грудины до паха, и все внутренности оказались посреди снега и грязи.

Раздались цокот копыт и дребезжание сбруи – из клубящейся дымной завесы вырвалась перепуганная лошадь и понеслась прямо на Якоба. Он едва успел отступить, поскользнулся и упал, приложившись подбородком о камни. Рот тут же наполнился кровью. Грива у лошади горела, всадник, застрявший ногой в стремях, безвольно волочился по земле и бился головой о камни.

Следом показались двое: один бросился за лошадью, другой, заметив Якоба, приблизился и поднял его за ворот. Черные глаза мужчины обезумели, рот скривился, по серой одежде расплзлись уродливые темные пятна.

– Поднимайся обратно в башню, запишись и никого не впускай. Живо! – и Вальд, один из двенадцати теневого воина отца, толкнул Якоба в грудь и побежал дальше.

Якоб помотал головой, хотя никто на него уже не смотрел, и прикрыл глаза, пытаясь справиться с дурнотой.

Ветер плюнул в лицо снежной крупой и пробрался под тонкую ткань. Плащ и сапоги остались в комнате лекаря, но Якоб не хотел за ними возвращаться. Надо найти отца. Его знобило – лихорадка забрала все силы из хилого тела, и матушка велела не выходить на улицу еще несколько дней. Она сидела с ним весь вечер, рассказывала сказки – жуткие, такие ему всегда нравились. Но когда Якоб проснулся, стул ее пустовал, а очаг давно погас.

Предчувствие беды скрутилось внутри, вцепилось в кишки разъявленной пастью, и Якоба вырвало желчью.

Шатаясь, он с трудом двинулся вокруг башни. Руки тряслись от страха и холода. Раньше Якоб воображал себя воином, гордо несущим родной стяг над поверженными врагами. Рядом с ним были брат и отец, и они втроем, смеясь, праздновали множество побед. Он грезил битвами, хотя Норвол говорил, что его младший сын не создан для меча. Вероятно, говорил правду. На деле все оказалось хуже, чем в мечтах, и сейчас Якоб обмирал от ужаса.

Ему захотелось помочиться, но остановиться и сделать свое дело он не решился. Боялся, что так и упадет в снег со спущенными штанами, а подняться не сможет. От мысли, что его, замерзшего, найдут в таком виде, опять сделалось дурно. Якоб вспомнил вспоротое брюхо Бореду, и живот снова скрутило – пришлось согнуться и отплеваться. Лоб покрылся испариной и горел. Может, стоило послушаться Вальда? Но Якоб тут же отругал себя за трусость.

Отец говорил, что Горт возводили вороны сильнее их – настоящие исполины, чьи крылья закрывали половину неба, а крик разносился над лесами на многие мили. Люди уважали птиц, и те, в свою очередь, платили добром – защищали земли от неприятелей и воинов, порожденных семенем Слепого бога. Древние перевертыши приносили в когтях валуны, усыпающие склоны Трех сестер, и стены Горты росли, превращаясь в гладкий монолит. Надежный замок, воронья цитадель.

– Это наш дом, и ни одному врагу не взять его ни измором, ни мечом, – говорил Норвол, и Якоб верил ему – до сих пор. Но, вероятно, в мире существовали вещи более страшные, чем сталь, только отец об этом не знал.

Закричали в обожженной тьме колокола – Якоб знал их язык, и сейчас они сообщали о беде. Вслед за ними раздалось пение – высокий голос выводил один завет за другим, и Якоб

зажмурился, услышав знакомый мотив. «Только не сейчас, – подумал он, – боги, только не сейчас». Призыв накатывал волной – жар окутывал ноги и руки, чтобы потом уступить место боли. Натягивались мышцы, скручивались суставы, ломались кости – и через минуту срастались вновь. Рвалась кожа, сердце стучало все быстрее, быстрее, разгоняя шумящую в ушах кровь. Он с трудом переносил это, будучи здоровым, а вместе с лихорадкой мог не выдержать.

Якоб всегда смотрел на свою тень, чтобы не потерять сознание, – так советовал Генрих, любивший полеты гораздо больше брата. Только не на руки и не за спину, чтобы не обделаться от ужаса. Тень обращалась первой, и ее безмолвный танец завораживал. Генрих всегда был рядом, держал за руку – по привычке Якоб протянул ладонь, но нащупал только скользкий камень. Его тень между тем растянулась, задергалась, сделалась шире, потом длиннее, ступни словно обожгло огнем – и все тут же оборвалось, схлынуло. Якоб повалился в снег, потряс головой – дан¹ продолжал петь, только ничего не изменилось. Он остался мальчишкой и не на шутку испугался – вдруг боги услышали его и отняли силу, которую сами же и подарили?

Надо найти отца.

Якоб вывалился из-за угла, снова упал и попытался встать на четвереньки. Пальцы на ногах онемели от холода, руки покраснели и опухли. Песня дана оборвалась, и Якоб поднял глаза.

Здесь было светлее: передний двор превратился в горящую каменную яму. Люди, еще стоявшие на ногах, боролись друг с другом в дымовой завесе – не понять, кто нападает, а кто защищается. Их смертельный танец сопровождали крики, лязг и кровь – ночь наполнилась ею, как чаша, и Якоб втянул носом железный запах. Дым окутывал фигуры призрачными плащами и не позволял рассмотреть нашивки. Те, кто проиграл, лежали в тающем снегу – их было куда больше. Якоб дополз до перевернутой на бок телеги и замер. Зубы стучали, язык распух и едва ворочался.

Ступени слева вели в винный погреб, и оттуда доносился жалобный детский плач. Справа ржали лошади, запертые в стойлах. Якоба затрясло, и он подумал, что сойдет с ума от страха.

Надо найти отца.

Отсюда виднелись колокола. Они высовывали длинные железные языки и продолжали молить о помощи. Но вокруг на многие мили были только снег, ночь и враждебные горы, а до ближайшего воеводства – два дня пути. Никто не придет. Зачерпнув пригоршню снега, Якоб обтер лицо. «Думай», – приказал он себе.

Ворота распахнуты, но через двор ему не перейти – и на ногах-то держался с трудом, – и первый, кто его увидит, сразу же узнает. Якоб мог ползти – он уже косился на погреб, откуда узкий коридор, петляя, вел в нутро Горта. Но ребенок продолжал плакать и мог выдать и себя, и Якоба. Башня над ним была захвачена в огненный плен, и деревянная обгоревшая труха сыпалась на землю. Оставался один путь.

Якоб нашарил под рубашкой перо и с трудом сжал замерзшими пальцами. Пусть боги решат его судьбу. Он уже собрался покинуть свое укрытие и двинуться вперед, но его остановил свирепый крик:

– Что ж вы делаете?

Якоб выглянул. Спинай к нему, заноса шестопер для удара, стоял Тит Дага – вассал отца, его названный брат и друг. Алый плащ воеводы порвался и обгорел, но серебряный ворон уцелел. Тит приехал на встречу с кронпринцем среди прочих гостей, более того, именно он охранял его в пути от границы с Мегрией до самого Горта. Якоб пытался увязаться следом за ним – ему прежде никогда не приходилось бывать дальше Равнскёга, древней пущи. Но отец не пустил. Жена Тита, Вела, приехала на прием и была добра к Якобу – он помнил цветочный запах ее духов и мягкие руки. Она привезла с собой дочь – темноглазую кроху, человеческого

---

¹ Дан – заклинатель, поющий заветы для того, чтобы вальравны принимали свой вороний облик.

детеныша. Отец говорил, что ребенок чудесный, но Якоб решил, что ему просто не хочется обижать давнего друга. На его взгляд, девочка была безобразной и чересчур крикливой.

Тит сражался с неприятелем в одиночку.

– Что ж вы делаете? – повторил он свой вопрос и шагнул вперед. Якоб закусил кулак, когда услышал хруст костей. Тяжелое дыхание со свистом вырвалось из проломленной грудины.

Тит отступил в сторону и покачнулся. Якоб испугался, что мужчина уйдет или, хуже того, ранен и умрет раньше, чем он найдет отца.

Он поспешно выполз на свет, вцепился в тележный борт и с трудом поднялся на ноги. Тит хрипло дышал и все вытирал рукой лицо, бормоча что-то невнятное.

– Где мой отец?

Тит вздрогнул и обернулся – Якоб увидел лицо, покрытое копотью и кровью. Темная борода Тита дымилась, и через голову тянулся безобразный, в палец шириной, ожог. Обычно приветливое, теперь выражение его лица сделалось звериным – сейчас Дага напоминал монстра больше, чем гравюры в книгах наставника Пельца. От неожиданности Якоб отшатнулся, и взгляд его сместился на умирающего. Тени скользили по бледному лицу, и пепел, кружась, осыпался на развороченную грудь. Но воин был еще жив. Скорее почувствовав, чем увидев Якоба, повернул к нему лицо – и пламя осветило зеленые глаза. Живот сделался тяжелым, будто в него разом насовали горячих камней. По ноге потекло что-то теплое, и Якоб со стыдом понял, что обмочился.

Он попятился, оскальзываясь в кровавом снегу. Но воевода, глянув ему за спину, поспешно шагнул вперед.

– Нет. – Тит сделал еще шаг и протянул испачканную в вороньей крови руку. – Якоб, нет! Идем со мной, Якоб!

Двор снова закружился, и Якоб упал. На этот раз он был уверен, что уже не сможет подняться. «Какая глупая смерть», – успел подумать он, и тут же раздался истошный крик. Тит остановился – его шестопер угрожающе блестел в отсветах пламени.

– Нет, – повторил он, – пожалуйста!

Лишь когда его рот закрыла грубая холодная рука, Якоб понял, что все это время кричал он сам.

– Нам пора.

Запахло требухой, кострами и хвоей – и мир Якоба погрузился во тьму.

####

Иногда Якоб приходил в себя и тогда видел, как мимо проносилось снежное поле. Мертвый багульник протягивал сухие руки-ветви к небу, по бокам темными полосами тянулся лес. Свистел в ушах ветер, но больше не кусался – руки согрелись под чужим плащом. Однако ноги ниже колена растворились в пустоте. Якоб успел испугаться прежде, чем лихорадка снова отобрала его сознание.

Сон был короткий и тревожный, но яркий: Якоб летел над землей и видел скользющую тень от гигантских крыльев, которых у него никогда не было. Он был исполином и мог сражаться. Якоб торопился – внизу мелькали пастбища и деревни, крепости, замки и горы, и почему-то очень важно было преодолеть Совиный перевал, а там...

Отец склонился над ним и сжал в руках лицо. Похлопал по щекам, довольно хмыкнул и ударил снова, только сильнее. Якоб моргнул раз, другой, и лицо отца исчезло, оставив вместо себя Вальда. Над ними не было огненных всполохов – лишь зимнее небо, усыпанное звездами. Колокольный звон смолк, только шумел растревоженный подлесок и журчал Нест. Увидев, что Якоб жив и дышит, пусть и с трудом, теневой воин улыбнулся.

– Самое страшное позади.

Якоб не согласился с ним – ноги по-прежнему не двигались, сколько ни пытайся. Он резко сел, отбросил плащ Вальда и с облегчением увидел, что они на месте – только несколько пальцев потемнели. Сглотнул вязкую слюну и снова запахнул ткань. С этим можно разобраться позже. Жадно втянул носом свежий воздух.

– Где мой отец? Что произошло?

Вальд сидел на поваленном дереве и хмуро разглядывал пылающее над Гортом небо. Казалось, что кто-то проделал дыру в небесной ткани и острые шпили башен окрасились в золото и багрянец. Багряная ночь. Кожаный камзол Вальда покрывали царапины и дыры, а пряди темно-русых волос слиплись от крови и грязи. Дрожащими пальцами Вальд вытянул из-за ворота цепочку и долго рассматривал ворона. Вращал его, после поцеловал и спрятал под рубашкой. Вальд молчал, и это молчание было громче любых слов. Мужчина запрокинул голову, словно пытался найти ответ среди далеких звезд. Потом обернулся к Якобу и положил руку на оголовье меча. Черный клинок Норвола – Вальд спас и его.

– Когда мы вернемся назад? И где... – Тут голос подвел Якоба и сорвался. – Где все?

– Горт пал, – ответ Вальда звучал слишком спокойно для такой новости, – мне очень жаль.

Якоб увидел слезы в глазах воина и разозлился.

– Что значит – пал? Жаль? Почему мы ушли оттуда? А как же мой отец? Мама и брат? Мы должны вернуться! Я вернусь сам, если ты трусишь, – лицо его вспыхнуло от гнева. – Где твой конь?

– Они умерли еще до того, как я нашел тебя, Якоб. Король Стеврон нас предал. Его сын напал ночью и сам открыл ворота подоспевшим войскам. Вот. – Вальд что-то достал из-за пазухи и развернул синее полотно. Рысь Мегрии равнодушно посмотрела на Якоба.

Якоб ударил Вальда по руке, и знамя, подхваченное ветром, ринулось прочь. Его семья была мертва, какое ему дело до жалкой тряпки! Его семья умерла. Якоб сжал голову, и гнев заклокотал в нем.

– Все равно мы должны вернуться, – упрямо повторил Вальду, который поднялся на ноги и теперь нервно озирался. Снег еле слышно хрустел под его осторожными шагами. – Мы должны защищать Горт – пусть даже умрем, не страшно. Ты обещал сражаться за меня, за всех нас! Ты давал клятву.

– Я давал клятву, – не стал спорить Вальд, – и я сдержу ее. Я буду защищать Шегеш, мой князь. Но наш дом утерян. Нас убьют сразу же, стоит покинуть этот лес. К счастью, у меня есть другой план.

Якоб не успокоился, но замолчал. Отец называл Вальда толковым и надежным парнем и поставил во главе дюжины теневых воинов, своей личной охраны. Он дал ему испить вороньей крови перед ликами богов и принял клятву под сенью Равнскёга. Если у Вальда есть план, значит, еще не все пропало.

Вальд еще раз огляделся по сторонам и присел рядом. От него пахло дымом и ржавчиной, а еще – страхом. Он пропитал Вальда так, как если бы был признаком тяжелой болезни – гноем, сочащимся из ран. Струпьями, отравляющей воздух вонью. Вальд молчал слишком долго, и Якоб всматривался в его искаженное мукой лицо. Воин словно боролся с чем-то, причинявшим ему страдания. А после, закрыв глаза, едва заметно кивнул, будто соглашаясь с самим собой.

Помедлив, Вальд достал фляжку, открыл крышку и поднес к губам Якоба. В нос ударил резкий запах забродивших ягод.

– Выпей. Вино согреет и уменьшит боль. Все будет хорошо. – Вальд криво улыбнулся, но взгляд его при этом остался колючим, как зимний ветер.

Якоб прежде никогда не пил – Норвол говорил, что он слишком мал для взрослого стола. Вино оказалось кислым и обожгло гортань, но Якоб послушно сделал пару глотков. Зажму-

рился, помотал головой и едва удержался от того, чтобы натолкнуть в рот снега. Выступили слезы, но в груди потеплело.

– Ну и гадость. – Голос осип, и Якоб закашлялся. – И куда мы отправимся дальше?

– Каждый своей дорогой.

Вальд ударил его так, что щека загорелась, а сам Якоб опрокинулся в сугроб. От неожиданности он не понял, что случилось, а когда захотел сесть, на грудь ему опустилась нога Вальда. Деревья шептали, полные злорадства, звезды равнодушно смотрели на него с холодного зимнего неба.

– Тсс. Полежи, юный княжич. Отдохни, соберись с мыслями. Посмотри вокруг и скажи мне, что ты видишь?

Якоба трясло от жара и гнева, он ощупал лицо и с ужасом понял, что по щекам текут слезы – не кровь. Неужели отец и Генрих тоже плакали перед смертью? Вряд ли. Они были воинами – настоящими мужчинами, достойными стали, и наверняка ушли в другой мир так же гордо, как держались при жизни. А он, Якоб, – слабый птенец, оставшийся без гнезда.

– Не хочешь говорить? Ну так я расскажу сам. – Вальд убрал ногу, наклонился и, сдавив лицо, заставил его смотреть в сторону Великаньих гор. Его пальцы пахли кровью – но не человеческой, а вороньей. Якоб ударил его по руке и получил еще одну пощечину. – Там – твои враги. Король Дамадар молод и горяч, но и он понимает, что против Мегрии и империи ему не выстоять. Да даже если бы он согласился пригреть тебя – горные племена сдерут с нас шкуры живьем еще по пути в Веребур. А их колдуны сделают из тебя чучело. – Видимо, Вальд увидел, что Якоб плачет, потому что голос его смягчился. – Куда ты пойдешь, мальчик? Одинокий и без магии.

– Ты принес клятву, – просипел Якоб. Ему казалось, что он еле шевелит опухшими губами. Тело горело, сознание готовилось соскользнуть во тьму. – Защищать меня и мой дом, пока ты жив.

Вместо ответа Вальд снова повернул его лицо, и на этот раз Якоб увидел зарево над черным замком. Колокола заголосили снова, только теперь язык их изменился – они говорили о победе.

– Твоего дома больше нет. Вальравны погибли. Можешь мне поверить, теперь вас будут преследовать везде – до самой Орракутты. Пойми, – Вальд пригладил его встопорщенные волосы отеческим жестом. – Если этого не сделаю я, смогут другие. Они надругаются над твоим телом, пока ты будешь еще жив. Генриху выкололи глаза, а сердце твоего отца вырвали, пока он дышал.

– Уж не ты ли это сделал? – Якоб вцепился ногтями в шероховатые пальцы Вальда. – Думаешь, они пощадят тебя?

– Я человек, – Вальд указал пальцем сначала на себя, а потом на него, – который принесет голову последнего наследника. Думаю, что к утру цена за тебя вырастет, но мне хватит помилования. Я буду защищать их, Якоб. – Вальд обвел руками поле, лес и даже уродливую громаду гор. – Я помогу им – всем, кто переживет эту ночь. Но для начала ты должен помочь мне. Пожертвуй собой – и ты спасешь тех, у кого еще есть надежда.

– Это кого? Тебя? Ты лгун, и ты знаешь, что бывает с теми, кто предает воронью кровь. – Якоб собрался и плюнул прямо в бледное лицо. – Ты будешь проклят навеки, Вальд Теодей.

Лицо Вальда потемнело, и его руки сдавили горло – сильнее и сильнее, и ночь сделалась еще чернее. Он пыхтел и все бормотал какие-то ненужные слова, в то время как мир Якоба вспыхивал, чтобы угаснуть навсегда. Якоб брыкался, но рубашка путалась и мешала ногам достать Вальда – да и какой вред мог причинить он, тщедушный ребенок, взрослому мужчине? Шершавые пальцы Вальда нашупали перо и сорвали его с груди. Якоб хотел закричать, но голос ему больше не принадлежал. Ногтями он вцепился в кожу Вальда, потом протянул руки к его

лицу – белой точке, плавающей в темноте. Вальд громко всхлипнул – он что, решил рыдать? «Дохлак, – подумал Якоб с ненавистью. – Так долго возится. Лучше бы отрубил мне голову».

Видимо, такая же мысль посетила и Вальда, потому что он внезапно сполз, не говоря ни слова. Его пальцы больше не давили на горло, и все же Якобу казалось, что они навсегда остались висеть на его шее. Попытался втянуть воздух и захрипел.

И тут Вальд закричал – пронзительно, истошно, коротко. Что-то хрустнуло и забренчало, а потом так же внезапно затихло. Голова кружилась, и мир носился вокруг Якоба, слепившись в одно размытое пятно.

– Что... ты... что ты там... – с трудом выдавил Якоб. Задышал носом часто и глубоко и с удивлением различил запах мокрой шерсти. Что-то влажное уткнулось ему в лицо, обдав жарким дыханием.

«Волки, – подумал Якоб. – Или медведь – их много развелось здесь за последние годы».

– Ко мне, Туша, бегом!

Голос был глухой и говорил странно – понадобилось время, чтобы он узнал гортанный язык горцев. Снег захрустел под ногами незнакомца, и Якоб попытался отползти прочь. Сейчас смерть от руки Вальда казалась благословением.

– Куда ты торопишься, птенчик? – Огонь обжег его лицо, и Якоб с трудом разглядел темную грузную фигуру и меха, волочившиеся по снегу. И торопливо зажмурился. – Мы с тобой еще не познакомились.

В следующий раз, когда Якоб открыл глаза, на него пристально смотрел каменный наконецник стрелы.

Глава 2

Большая цена за малую кровь

лач ребенка сбросил оцепенение с Тита, и он удивленно посмотрел на сверток в своих руках. Посмотрел – и тут же зажмурился. Все плыло перед глазами. Сколько он простоял вот так, под замковой стеной, судорожно сжимая хрупкое тело, Тит сказать не мог. Не помнил, как добрел сюда через двор и почему его никто не тронул. Возможно, к тому времени все были мертвы. Тит оглядел двор – изгаженную мертвую утробу Горта. Кишки серыми змеями расплзлись по красному от крови снегу, повсюду разбросало деревянные обломки и каменную крошку. Люди и вороны. Слишком много людей и воронов. На Тита с недоумением уставился Генрих: одной рукой княжич держал меч, другой тянулся к перерезанному горлу.

Так, оцепенев и глядя в темные провалы на месте вороньих глаз, Тит простоял до очередного боя колоколов.

Они сообщали о победе. Тит поднял голову – над двором, приветствуя мертвецов, взвился стяг Мегрии: рысь оскалилась на него с синего поля. Чуть помедлив, к нему присоединилось знамя императора Небры. Стены Горта высоки – отсюда Тит видел только мелкие темные фигуры, суетливо носящиеся взад-вперед. А они, без сомнений, видели его.

Девочка продолжала кричать, и Тит наконец решился взглянуть на нее. На черной ткани крови не было видно, зато она окрасила светлую рубашку дитя и крошечное лицо. Кровь уже запеклась, но вся правая сторона превратилась в один сплошной ожог. Из уцелевшего глаза текли слезы. Тит облизал горькие засохшие губы и помолился всем богам, которых знал. Его знобило.

«Надо найти лекаря», – подумал Тит, но заставить себя сдвинуться с места не смог. Отсюда был виден труп вороньего замка: обугленный, обглоданный, он походил на дикого зверя, загнанного в ловушку и скорчившегося в предсмертной агонии. Вороны были мертвы, и Горт сдался.

Темные окна выжидающе смотрели на Тита: «Ты тоже нарушишь свою клятву?» Титу нечего было ответить – ему, в отличие от Горта, теперь было ради чего жить.

– Моя Рунд... – Его пальцы оставили темную дорожку на влажной от слез и крови детской щеке. – Мое дорогое дитя. Прости меня, Рунд.

Едва ли девочка его слышала – один ее вопль тут же перерастал в другой, еще сильнее и громче. Она торопилась выдать их, и Тит уже сам хотел, чтобы его схватили.

В дыму сновали тени. Их осталось мало – Тит насчитал не больше двух десятков. Те, кого смерть пропустила в эту ночь, покидали Горт. Желание жить выгалкивало их за распахнутые ворота, где они ныряли в предрассветный сумрак – и он не мог их винить. Нужно уметь проигрывать. Тит хотел последовать за ними, но Рунд требовался лекарь. Наклонившись, Тит подобрал шестопер.

Снег и мусор хрустели под ногами, чужие волосы цеплялись за сапоги, и со всех сторон за ним с укором следили глаза мертвецов. Он почти слышал шепот из раззявленных ртов. «Ты жив, а мы нет». Тит осторожно перешагивал через тела, хотя им было все равно – топчи не топчи. Воздух отяжелел. Слишком много крови – Титу казалось, что она просачивается внутрь и набухает там, как гнойник. Он прошел мимо тлеющего остова башни и с трудом подавил желание броситься туда на поиски костей, крепче прижал к себе Рунд и сжал зубы.

В дальнем конце двора, сгорбившись, голосила старуха – обнимала руками чью-то отрубленную голову и торопливо молилась. Титу захотелось подойти и сломать ей шею, затолкать в ее беззубый рот каменное крошево – что угодно, лишь бы она замолчала. Вместо этого он двинулся на задний двор. Охраняемые покойниками ворота так и остались распахнутыми. Тит поддел ногой чужой меч, и тот с дребезгом отлетел в сторону. Рыжий воин удивленно посмотрел на него остекленевшими глазами.

Нужная башня уцелела. Кто-то бросил дверь открытой, и пол покрылся тонким слоем снега. На нем отчетливо виднелись чужие следы – слишком большие для сухощавого старика-лекаря. К несчастью, они вели и внутрь, и наружу, и было непонятно, есть внутри кто-то или нет.

Тит боком протиснулся в коридор и остановился, прислушиваясь. Здесь пахло дымом, как и везде.

Спиной почувствовав чей-то взгляд, Тит резко обернулся и поймал на себе взгляд королевского воина. Синий плащ взлетал за его спиной, подхваченный ветром, и царапины змеились по позолоченным доспехам. Абнер привел с собой не больше сотни мечников, но среди них не было ни одного из золотой армии. Тит провел с ними пять дней и шесть ночей и точно мог сказать, что его окружали только собственные люди и мегрийцы в серебряной броне. Мужчине, стоявшему перед ним, неоткуда было взяться. И все же он находился здесь и терпеливо дожидался дальнейшей реакции Тита.

Заметив, что тот не торопится убежать, воин благожелательно улыбнулся. Снял шлем и не спеша обтер лицо. Невысокий, темноволосый и темноглазый, он годился Титу в отцы. Рунд закричала, а после затихла, впав в болезненное полузабытье.

– Если вы ищете лекаря, то мы отвели его в башню к королю. Его величество послал за вами, – спокойно сообщил мужчина и протянул ему широкую грязную ладонь. Меч при этом остался в ножнах, что совершенно сбило Тита с толку. – Ваша дочь? Наверное, пострадала в пожаре. Мне очень жаль.

И сукиному сыну правда было жаль – Тит видел искренность во взгляде. Он пошевелил губами, но так и не смог произнести ни слова в ответ. Может, вообще онемел и больше никогда ничего не скажет? Так было бы лучше. Тит крепче прижал к себе тщедушное детское тело – даже сквозь ткань плаща ощущался исходящий от него жар.

– Она обязательно поправится. Вам нечего бояться – тащианские лекари творят чудеса. Мы привезли одного из них с собой, чтобы помочь раненым. На тот случай, если замковый лекарь не справится, конечно.

Раненым? Тит решил, что воин сошел с ума. Сам он не видел во дворе раненых – только мертвых.

– Будет хорошо, если оружие вы оставите здесь, – вежливо, но настойчиво попросил воин. – Меня зовут Вигго Натал, я командир правой золотой руки. Пойдемте со мной. Пойдемте. Вашей дочери нужна помощь. Вы, должно быть, ничего не поняли – его величество объяснит все куда лучше меня.

Не понимая толком, что делает, Тит обронил шестопер и послушно последовал за Вигго. Во дворе живые торопливо собирали мертвый урожай: и воины, и уцелевшие в боине слуги поднимали останки и сгружали их на носилки и тележки. Над стенами в серое рассветное небо устремлялись клубы черного дыма. Проходя мимо выломанных главных ворот, Тит увидел за стенами Горга огромные погребальные костры, испускающие запахи горелой плоти и паленого волоса.

– Нам сюда.

Вигго провел его знакомой дорогой к башне, в которой обычно останавливался Тит – обычно, но не в этот раз. Лучшие спальни – рядом со своими покоями – Норвол подготовил для высоких гостей, а Тита попросил разместиться в дальней деревянной пристройке. Воевода не возражал: в ней не так шумно, и Вела могла спокойно кормить и укладывать Рунд. Да и князю было важно получить благосклонность короля – его сын, кронпринц Абнер Стравой, ехал, чтобы закрепить договоренность. Весной ожидалась новая война. После нее король Стеврон обещал сдавить своими руками идунов и проложить путь на запад, к Трем сестрам. Когда Норвол рассказывал об этом Титу, глаза его лихорадочно блестели.

«Не к добру, – подумал тогда Тит. – Лишняя война – лишняя кровь».

Но вслух ничего не сказал. Может быть, зря.

В каменных коридорах не горели факелы, но чем выше поднимались воины, тем становилось светлее. Над Равнскёгом загорелась алая полоса. Она становилась все шире и шире, и к тому времени, как они дошли до княжеской спальни, кровь затопила полнеба и первые солнечные лучи заплясали по темному камню.

– Отдайте ее мне. Даю вам слово, с ней ничего дурного больше не произойдет.

Тит успел напрочь забыть о Вигго и удивленно посмотрел на протянутые руки. Рунд захныкала и, едва очнувшись от обморока, снова завопила.

Дверь позади них распахнулась.

– Его величество ждет вас.

Улучив момент, Вигго поспешно забрал у Тита дочь и тут же исчез за поворотом. Противный дребезжащий звук его доспехов становился все тише и тише, в то время как сам Тит рассматривал Гарольда, одного из ближайших воинов Норвола. На том был все тот же серый плащ,

и вышитый серебряными нитями ворон расправлял свои крылья на широкой груди. Гарольд улыбнулся Титу и отступил в сторону, давая дорогу.

– Прошу.

Абнер сидел за массивным столом князя и перебирал бумаги. Часть из них лежала в беспорядке на полу, другие юноша сжигал в разведенном камине, и огонь жадно пожирал исписанные Норволом пергаменты. Ставни были плотно закрыты, и Титу понадобилось время, чтобы рассмотреть: здесь, в спальне Норвола, стояли все теньевые воины. Все, кроме зарубленного им Неода и Вальда, уведшего с собой княжича. Если тот сохранил верность князю, то все будет хорошо. Но если поступился своими клятвами, как и его братья... Тит вновь увидел широко распахнутые зеленые глаза Якоба, страх и ненависть. Мальчик ничего не понял.

Тит оглянулся. Гарольд прикрыл дверь и стал рядом с ней, сложив руки на груди. Полог рядом с кроватью был плотно задернут.

– Да, Тит Дага. Проходи.

Абнер приглашающе указал на стул, но Тит остался на ногах. За те несколько часов, что они не виделись, кронпринц побледнел еще больше. Светлые глаза лихорадочно блестели на узком скуластом лице, темные вьющиеся волосы в беспорядке разметались по плечам, а вокруг рта запеклась кровь. Ему было плохо. Тит слышал, что недуг сразил сына короля Мегрии еще в раннем детстве. Стевруну не повезло с наследниками: королева умерла первыми и последними родами, и вся надежда оказалась в хилых руках младенца. Инге болезнь обошла стороной, но власть в Мегрии передавалась женщинам, только когда не оставалось другого выхода. Не в пример империи, где ценилась сила – и не важно, кто ею обладал.

Левая рука принца держала бумаги твердо, но правая мелко тряслась. Абнер заметил пристальный взгляд Тита и убрал ее под стол. Титу не понравилась кривая улыбка, которой он при этом его одарил.

– Ваше величество? – Голос Тита прозвучал сипло, и он попытался откашляться. – Мне сказали, что меня ждет король.

– Тебе не солгали. Я бы на твоём месте присел. – Абнер снова показал на стул. Тонкие пальцы его были перепачканы в засохшей крови. – Столько новостей ни одни ноги не выдержат.

Тит на стул даже не взглянул.

– Мою жену убили ваши люди. Они напали на Генриха на моих глазах. Где князь и княгиня? – Он почувствовал, как в нем закипает гнев, и его руки затряслись так же, как рука Абнера. Улыбка кронпринца тут же сползла, уступив место скучающей гримасе. – Что произошло?

– Что произошло, что произошло. Ты вроде бы умный человек, и покойный Норвол тебя хвалил-расхваливал. Лучший мечник, умнейший воевода! Может, ты и впрямь умный, но говоришь как тупой. – Абнер позволил себе смешок. – Эй, Гарольд, будь любезен, открой окно.

«Покойный Норвол».

Гарольд послушно подошел и снял со ставен тяжелый засов. Ветер осторожно прокрался в комнату – тут же запахло гарью, стали слышны крики и треск сучьев в огромных кострах. Мост был опущен, и по нему через ров мертвых отправляли в их последний путь. Над распахнутыми воротами, закручиваясь и сверкая в лучах рассвета, один над другим реяли стяги империи и Мегрии.

– Видишь, я даже похоронить их решил согласно дурацким обычаям. А ведь мог отрубить головы и украсить ими всю стену вокруг Горты – за предательство и пособничество в покушении на кронпринца, который – осмелюсь заметить! – явился сюда на переговоры. За жену извини, – принц прикрыл глаза и потер переносицу, – этого в моих планах не было. Мне жаль. Можешь не верить – действительно жаль. Я не хотел, чтобы она умерла. Но воины... – Абнер пошевелил пальцами и презрительно скривился, – любят насилие. Кому, как не тебе, это знать. Закрой окно, Гарольд. Холодно.

В спальне было душно, но Абнера трясло все сильнее – он сам подбросил в очаг дрова и выпрямился.

– Сядь на этот проклятый стул, или я распоряжусь приколотить к нему твою тощую задницу. Где твоя дочь? Она жива?

Тит стиснул челюсти, но взял верх над своей гордостью и осторожно опустился на черный бархат. Теперь их с Абнером лица оказались на одном уровне, и принц заметно успокоился.

– Она пострадала. В пожаре. Не знаю, выживет ли. Ее забрал ваш командир, Вигто...

– Натал, да. Я привез с собой лекарей, они сделают все, что потребуется.

– Он говорил об этом.

Повисла пауза. Тит оглянулся – эти теневые воины, лучшие из лучших, ловкие, текучие, словно вода, преклоняли колени вместе с ним в сыром осеннем лесу. Они пили из одной чаши, произносили одни и те же обеты. Многих он считал своими друзьями. Тит обратил внимание, что трое из них переместились ближе к укрытой за балдахином кровати. Абнер истолковал его взгляд по-своему.

– Гарольд, Хоук, Хед – останьтесь. Остальные могут уйти. Этот человек не опасен.

Тит и впрямь ослабел, таким уставшим он не чувствовал себя давно. Его руки лишились последней силы, как только у него забрали девочку, – и ярость, которую он испытывал, очень быстро погасла. Ему хотелось забиться подальше в угол. Пусть даже его отправят в темницу – без разницы. Вот только, закрыв глаза, Тит видел лицо Велы, страх в ее распахнутых глазах и кровь, смертельными узорами изрисовавшую бледную кожу.

– Я отправил на тот свет двоих воинов серебряной руки, – глухо сообщил он Абнеру. Тот не удивился.

– И поделом. Если бы не ты, их казнил бы я. Трогать женщин и детей – последнее дело. – Тит вздрогнул. – В конце концов, мы должны давать шанс всем, прежде чем их вешать. Конечно, исключения есть всегда. Честно говоря, Дага, я думал, что ты ринешься спасти этого вороненка – Якоба, самого младшего из Наитов. Куда он делся, ты не знаешь?

Светлые глаза принца смотрели пристально, и в них не было сомнений или неуверенности. Он точно знал, что делал. Тит покачал головой.

– Ладно. Я рассчитывал на другой ответ, но люди, отправленные в погоню, обязательно его отыщут. Шегеш не так велик, а через горы ему не перейти. Тени говорят, что среди них нет какого-то Вальда – возможно, он взял миссию по спасению на себя. В любом случае, Дага, как я уже и говорил, мы должны давать шанс всем. Это я о тебе. – Абнер снова улыбнулся окровавленным ртом. – Все очень просто.

– Вы говорили о предательстве.

– Вы говорили о предательстве, ваше величество, – пропел Абнер и постучал себя по голове. – Здесь нет короны, но – можешь на меня полностью положиться – перед тобой сидит сам король Мегрии. Видишь ли, за прошедшую ночь очень многое изменилось.

С этим Тит не мог не согласиться.

– А как же Стиврон?

Абнер поднял с пола два кубка и потянулся к кувшину – Тит заметил, что рука его перестала дрожать. Налив вина, Абнер придвинул один из кубков Титу.

– Думаю, что мой драгоценный отец почил еще вчера. Сам понимаешь, новости в эту глушь доходят с опозданием, но и тут можешь мне поверить – вчера, не сегодня. Стоило мне покинуть Амад, как люди взбунтовались против своего правителя. Я, конечно, ничего не видел, но готов биться об заклад: Совет Десяти снял голову моего отца и насадил ее на пику прямо над главными городскими воротами. Отвратительно, должно быть, – глядеть после смерти на страну, которая тебе больше не принадлежит, – пригубив из кубка, Абнер скривился. – Ужасное пойло. Вчера на ужине подавали куда лучше.

– Это подстроил ты, – Тит неприязненно посмотрел на юношу и решил отбросить незаслуженные титулы, – убил родного отца. – Может, он его даже казнит за дерзость.

Но Абнер сделал вид, что ничего не заметил, и удивленно округлил глаза.

– Да ты и в самом деле дурак. Я уже больше недели отсутствую в Амаде. Как бы я сумел одновременно и тут посидеть, и там бунтами руководить?

– Но ты убил Норвола и его семью. Этого-то ты отрицать не сможешь.

– Даже не собираюсь. Однако есть разница между «убил» и «защищал себя от нападения», ты не находишь?

Не дождавшись от Тита ответа, Абнер откинулся на спинку кресла и утер капли вина, оставшиеся на губах.

– Раз уж ты решил панибратствовать, давай говорить прямо – мой отец был дураком. Причем дураком в короне, а значит, дураком опасным. Это стало понятно, еще когда он пошел на Веребур. Помнится, все, чего он там добился, – это вид голого зада Дамадара да его загаженной юбки. Я слышал, он вывесил ее на самую высокую скалу вместо белого флага. – Абнер хохотнул. – Много бы отдал, лишь бы увидеть выражение отцовского лица. Да что я тебе рассказываю? Дага, ты же ходил вместе с ним. Ну и как, скажи, тебе пришлось общение с вербурцами?

Тит помнил этот поход. Он состоялся еще до его свадьбы, но сразу после того, как Тит поклялся в верности Норволу и поцеловал его черный клинок. Князь поручил ему вести отряд под собственным знаменем: клинок-дага на черном фоне и рукоять – в когтях серебряного ворона. Как он собой гордился! Ему только исполнилось семнадцать, а он уже – командир войска, пусть и маленького. За верность Норвол подарил ему небольшой, но плодородный удел, а в жены отдал дочь старшего воеводы. Жизнь складывалась удачно, и война должна была принести славу. Но все получилось иначе.

– Ты знал, что твой князь и мой отец хотели объявить войну Тацианской империи? Можешь представить, что случилось бы, воплотись в жизнь хотя бы часть их грандиозных планов? Я спас всех. Ценой малой крови. Ее иногда нужно пролить во имя мира.

– Никто тебе не поверит.

– Никто? – Абнер прищурил глаза, выскывая что-то в бумажном хаосе. Его окровавленные пальцы сновали между пергаментов, пачкая все, к чему прикасались. – Старый подлец желал моей смерти. Он видел во мне угрозу – в своем собственном ребенке! Сначала хотел сослать меня на острова, чтобы я подох там среди вонючих дикарей. Но после ему пришло в голову куда более приятное и быстрое решение проблемы.

Абнер протянул бумагу, но Тит даже не пошевелился. Свечные блики танцевали на лице Абнера, лоб его покрылся каплями пота, крылья носа гневно раздулись. Кровь потекла изо рта по подбородку, но принц – или король, как он себя называл, – этого даже не заметил.

– Ты ел хлеб князя Норвола. А потом убил его. Разве так поступают честные люди?

– Честные люди, – фыркнул Абнер, – да кому они нужны? Открою тебе тайну, Дага: почти все они давно лежат в могилах. Честных людей хоронят чаще, чем лжецов и негодяев. Ты не знал?

Он нетерпеливо дернул рукой, но Тит сидел не двигаясь.

– Или ты хочешь к ним присоединиться? – Абнер щелкнул пальцами, и к ним приблизился Хед, выпучил свои рыбы глаза на Тита и застыл в ожидании указаний. – Научи воеводу чтению.

Тит выхватил бумагу прежде, чем ладонь Хеда опустилась на его щеку. Абнер удовлетворенно кивнул. Тит придвинул к себе одну из свечей и нахмурился. Почерк был ему незнаком, но печать внизу принадлежала королю Стеврону – рысь с хищно разъявленной пастью. Слова бежали, бежали, бежали, и Титу казалось, будто он сходит с ума, потому что понимал все, о чем здесь говорилось. К большому сожалению. Закончив читать, Тит едва удержался от

того, чтобы поджечь пергамент и позволить ему сгореть. Все это время Абнер сидел молча и наблюдал за ним – Тит чувствовал на себе его тяжелый немигающий взгляд.

– Это неправда.

Абнер пожал плечами.

– Отец был недалеко от истины – его самодурство надоело многим. Я мог его сместить только одним способом, и я это сделал. Но, Дага, хочу, чтобы ты знал – я был верен ему до тех пор, пока он не решил, что зря породил меня на свет. Говорят, ты справедливый парень – так рассуди по справедливости. Если хочешь прочитать ответ своего князя, то вот он. – Юный король поднял другой пергамент, но Тит его не взял. Он, к своему стыду, верил Абнеру – отцеубийце, предателю и подонку. Но впервые ли Титу было падать так низко? – Если не хочешь, тогда перескажу коротко: Норвол согласился. Принять гостя под крышей своего дома, обогреть, накормить, а после предать смерти – каково? Честные люди! – Абнер фыркнул. Он хорохорился, и все же его волнение выдавали дрожащие губы и слезы – слезы! – блеснувшие в светлых глазах. Может, обман зрения и Титу почудилось?

Было во всем этом что-то такое знакомое – до щемящей боли в сердце, которое забилося чуточку быстрее при виде мук совести Абнера. Однажды Тит, связанный, сидел в похожей комнате, где под взглядом мятежного калахатского лорда ежился старший брат. Они договаривались о цене, которую брат все же решил заплатить. И Титу пришлось сделать свой выбор – так же, как Абнеру.

– Норвол никогда бы не стал убивать невинного.

– Ну разумеется, – Абнер захохотал, – великий ворон, спаситель с чистыми руками, он не взял бы на себя мою смерть. Ах, ваше величество, какая трагическая случайность! Кронпринца на охоте распотрошил вепрь. Олень продел сквозь его высочество свои рога. Или он сам, напившись, неудачно выпал из седла. – Абнер, кривляясь, очень похоже изобразил голос Норвола. – К несчастью для моего папаши, мозгов от рождения мне было дано больше, чем ему. Император Небра решил, что дружба принесет ему большую выгоду, чем война. Сегодня ночью вороны боги спали, и я воспользовался этим сном.

Тит подумал о дочери, которую унесли неизвестно куда. Возможно, к лекарю, а возможно – на костер. Он собственноручно отдал девочку Абнеру и тем самым вручил оружие в его окровавленные руки. Тит в упор посмотрел на своего нового короля и нахмурился.

– И что дальше? Почему я сижу здесь, а не копчу свои останки на костре вместе со всеми?

Его слова снова вызвали улыбку у Абнера. Он достал платок и утер им лицо, после чего глотнул вина и вздохнул.

– Я впервые в Шегеше и, признаться, не в восторге от этого языческого захолюстья. Никогда не бывал здесь прежде и желал бы сделать это доброй традицией. Но оставлять завоеванные земли без присмотра не стоит, правда? Я хочу построить новый мир, Дага. Хочу изменить мир наших отцов, и для этого мне нужны хорошие мечники, все, кто принесет мне клятву верности. Они, – Абнер указал на теней, – уже согласились с предложением. Видишь ли, мертвые короли и князья имеют обыкновение забирать долги с собой в могилы. Живые платят куда охотнее. Да и клятвы – всего лишь ветер, сорвавшийся с губ. Боги не уберегут головы на их плечах. Как и твою.

– Хочешь купить мою верность? Или запугать?

Улыбка на бледном лице Абнера сделалась еще шире, обнажив окровавленные зубы.

– Я же неглупый человек, Дага. Ты честный малый, и таких, как ты, деньгами не купишь. К счастью, у меня имеются доводы посильнее монет – например, твоя дочь. Ты уже, конечно, понял, что я буду торговаться за ее счет. Убить не убью, но и увидеть ты ее не сможешь. Мне, знаешь ли, пришлось по душе воины-тахери – император любезно одолжил несколько десятков. Но этого слишком мало, чтобы остановить волну ненависти. И совершенно недостаточно, чтобы зачистить все земли. Ты же понимаешь, что моим первым указом станут не помилова-

ния? Так вот, – Абнер со стуком поставил на стол кубок, – Небра предложил мне обучать детей – наших детей. Настоящее войско из тахери – красота же, ну? Только подумай – третья рука! Ее не было ни у одного короля. Конечно, их набирают не в столь юном возрасте, но я могу вырастить твою дочь у себя под носом. Могу вложить в ее голову какие угодно мысли – и ты никак этому не помешаешь, потому что к тому времени станешь прахом. Но есть и другой вариант. Если хочешь знать, мне самому он больше по душе.

В горле пересохло, а язык прилип к небу, поэтому Тит не сразу смог вымолвить короткое:

– Говори.

– Я дам тебе семь лет – ни больше ни меньше. Семь лет твоя дочь будет жить в тени Горга и только потом отправится к тацанцам. Сам понимаешь, мне малышка нужна как гарант твоего повиновения. Но не переживай – там она вырастет умницей и красавицей, тебе на радость.

– И убийцей.

– Можно подумать, с тобой девочка станет придворной дамой.

– Я уже принес клятву воронам. Пусть Норвол мертв, но остальные живы – я буду проклят богами, если нарушу свои же обещания.

Абнер посмотрел на него так, будто Тит был несмышленным и капризным ребенком, не желающим понимать мудрость взрослых. А он, король, выступал в роли терпеливой няньки, вынужденной утирать сопливый нос и менять грязные пеленки.

– Дага – это ведь не родовое имя, а прозвище, так? Ты калахатец, даром что без косы – все равно видно. – Абнер ухмыльнулся, будто сказал что-то смешное. – Что калахатец делает в Шегеше, вдали от своей родины? Не можешь ответить? Ну так я скажу тебе. – Подперев голову рукой, новоявленный король продолжил, нарочито растягивая слова, которые, будто ножи, расковыривали застарелые раны на душе Тита: – Несколько лет назад в междоусобице, в сражении за лордство и корону, люди топили друг друга в крови. Отец шел на сыновей, сыновья – на отцов, а брат – на брата. Я тогда был еще дитя, а Стеврон замучился наводить порядки в ваших воинственных землях. И помню я, как один род исчез с лица Калахата. Весь – подумай только! – и за одну ночь! Замок сгорел, и все кости перемешались так, что никого и не узнать. Зато черепов оказалось на один меньше, чем должно было быть. Как думаешь, почему? Я считаю, клятвы нарушать проще, чем кажется. А у бумаг долгая память, Тит Дага.

Вне себя от злости и страха, Тит вскочил на ноги – следом за ним поднялся и Абнер. Он был ниже ростом и все же сильнее – за его спиной с клинками наготове стояли три клятвопреступника. «Погоди, – горько осадил себя Тит. – Вполне возможно, скоро ты к ним присоединишься. К их бесчестной братии». Абнер открыл было рот, но тут дверь распахнулась и на пороге показался щуплый слуга. Лицо его покраснелось, он размахивал руками от волнения и разевал рот, как выброшенная на берег рыба.

– Ваше величество, там... Нест принес улов. Пойдите, поглядите сами!

Абнер снял со спинки кресла плащ и торопливо накинул его поверх камзола.

– Гарольд, Хед, давайте, за дело.

Полог отодвинули, явив Титу безмятежно лежащую чету воронов. Анели прижимала маленькие ладони к груди, ее черные густые волосы блестели на алых простынях. Порез на горле сочился черной кровью. Руки князя лежали вдоль тела, будто он и не думал сопротивляться – послушно открылся врагу, чтобы тот взрезал его грудь и раздвинул ребра. Отсюда Тит не мог видеть нутро Норвола, но представил, как внутри застыли змеиным клубком кишки, и его замутило. Почему не сработал ни один завет? Ответ лежал прямо перед ним, скрывался в пустой груди князя вальравнов – там, где когда-то билось его сердце.

Тит отвернулся и встретился взглядом с Абнером. Король коснулся пальцами губ.

– Вороны любили приносить жертвы, взывая к своим богам. Но они не одиноки – все мы чем-то жертвуем, не так ли? Совесть или ребенок, жизнь или смерть – выбирай. Я, со своей

стороны, буду рад, если за спиной у меня будет такой человек, как ты. Подумай над моими словами, пока мы будем идти к реке.

####

На берегу столпились люди. Плотнo прижимаясь друг к другу телами, одетыми в грязное тряпье, простолюдины без умолку переговаривались. Издалека они напоминали встревоженный пчелиный рой, и чем громче звучала их речь, тем шире становилась улыбка Абнера. Тит заметил, что многие ему кланялись: некоторые – учтиво, другие – неуверенно. Люди растерялись, и он растерялся вместе с ними.

Снег подтаял, солнце разогнало тучи и воцарилось на ярко-голубом небе, и Тит ощутил досаду. Разве может быть таким прекрасным день, следующий после кровавой ночи? Боги смеялись ему в лицо. Или спали, как сказал Абнер.

Они осторожно спустились с холма и подошли к зарослям, где на ветру засохшими стеблями тихо шуршал камыш. Он доставал Титу до пояса и все же не мог скрыть прибившийся к нему плот. Нест гневно шумел – злился то ли на них, то ли на мертвеца, посмеявшегося плыть по его бурным водам. И только самому покойнику было все равно – босой, он лежал, раскинув в стороны прибитые к бревнам руки, и спокойно смотрел на далекое небо. В груди его торчала стрела – там, где полагалось биться сердцу. Ее сестра-близнец подчеркивала смерть, сидя в животе. Красное оперение подсказывало, чьим рукам прежде принадлежали стрелы.

– Вот так сюрприз. – Абнер подошел к самой кромке воды, намочив подол тяжелого мехового плаща и сапоги. Грязь чавкала, хлюпала под его осторожными шагами. – Надо послать идунам подарок от моего имени, – и, обернувшись, внимательно посмотрел на Тита.

Тит ничего не ответил. Он сжал кулаки так, словно намеревался драться и отстаивать честь до последнего, хотя и не видел больше в этом смысла. Клятвы его осыпались сухой листвой, и сам он, замерев, надеялся пустить корни, стать деревом, символом бесчестья. «Ты позор, Тит Дага, – сказал он себе. – Трус, слабак. Никого ты не спас и всех погубил».

С ним соглашался, покачиваясь на плоту, последний из Наитов.

Тит посмотрел в глаза Абнеру – тот внимательно следил за ним. Гадал, когда же он, верный воевода, начнет плакать, стенать, умолять о пощаде или биться в истерике. Может, даже бросится обнимать мертвое щуплое тело и поливать его слезами. Может, вызовется лично сжечь на отдельном костре. Может, нападет на своего короля в припадке ярости. Может – и Абнер ждал этого.

Может – а может, и нет.

Ветер качнул плот, и глаза Якоба – зеленые, широко распахнутые – оказались направлены прямо ему в лицо.

Не говоря ни слова, Тит развернулся и пошел прочь.

Глава 3 Полмира

им копался в одежде, снятой с мертвецов. Вороны часто гадили в штаны и блевали на рубахи до того, как их успевали раздеть догола и привязать к столбам. Но все это, по словам калахатца, беда небольшая. Можно отстирать, и не придется тратить лишнюю монету.

Рунд не возражала – последние хорошие сапоги растерзали зимние морозы, а в нынешних, снятых с разных ног, насчитывалось с десятков дыр. Шим насвистывал незатейливую мелодию, весеннее солнце проглядывало сквозь сизые тучи, а ветер удачно гнал смрад от костров в сторону деревни.

Жизнь ее, может, и была насмешкой Слепого бога, но в такие моменты Рунд чувствовала себя если не счастливой, то довольной. Как следует затянувшись трубкой, она выпустила облако дыма в сторону хибар и прищурила единственный глаз.

Деревня затаилась на холмах под тенью Великаньих гор, окруженная лесом. Ели взбирались по склонам так высоко, что пронзали лохматыми макушками плотный туман у самой вершины. Бёв говорил, что даже деревья боятся императора и отступают в горы. Но Рунд казалось, что они, наоборот, спускаются к ним, желая раздавить могучими древесными стволами и передуть колючими ветвями.

Тахери принесли поганую веру в старую землю – и разгневали ее. Весь путь до Ушака лил дождь – из тех, что приносят не радость, а болезни. Ни одной таверны по пути из Тротра они не встретили – только темные леса, выжженные поля и селения. Именно там, в последнем крупном городе между границей и Гортом, они и повстречали своего провожатого. Стражники сообщили, что какой-то сумасшедший ищет тахери, и с радостью спихнули заботу на их руки. Пришлось делать крюк, но Рунд даже обрадовалась. Всякий раз, когда она начинала думать о Горте, ноги ее поворачивали назад.

Щуплый, невзрачный, с бегающим взглядом и пропитым лицом, Дрозд, как он себя назвал, ежился под плащом и бормотал по ночам какие-то бессвязные слова. То ли договаривался с совестью, то ли молил бога о прощении. Может, даже жалел о содеянном. Устав от бесконечного шепота, на втором привале Шим остановил мужика крепким пинком под тощий зад, назвав это авансом и императорским благословением.

Грязь еще не высохла и не успела превратиться в дорогу – лошади брели, увязая и спотыкаясь, и путь занял куда больше времени, чем обычно. Шегеш их не любил – и Рунд отвечала ему взаимностью. Она бы не хотела сюда возвращаться. Но королевский указ был выше ее желаний – лежал в кармане и прожигал грудь. Рунд поперхнулась дымом и закашлялась – от одной мысли о гербовой бумаге становилось тошно. Столько шума, а писулька-то никчемная. Абнер мог сравнить княжество с землей, но боги и люди из этих мест никогда не склонили бы перед ним головы. Даже отрубленные.

Люди их ненавидели – и чем дальше они продвигались на север, тем сильнее становилась эта ненависть. Тахери испортили воздух – прежде здесь было свежо и приятно, пахло хвоей и первоцветами. Весна в Шегеше упоительно прекрасна. По крайней мере, такой ее запомнила Рунд. И сейчас – Рунд готова была поспорить на свою последнюю обувку – крестьяне стояли в домах на коленях и шептали проклятия, полные бессильной злобы. Они разбежались по своим конурам, едва завидев их на дороге. Как будто двери могли кого-то спасти.

Яграт вполголоса завел свою бормоталку, и Рунд скривилась, как от зубной боли. Хорошее настроение исчезло, как и не бывало. Хромая, она двинулась к одинокому дубу, невесть как выросшему в этом еловом царстве. Колено болело, но Рунд готова была уйти куда угодно, лишь бы не видеть тощую фигуру мольца.

Привалившись спиной к дереву и отвернувшись от коптящих столбов, Рунд стала наблюдать за Кацией. В отличие от Шима, та пела не песни, а молебны – но не такие, как яграт. Набожная тацианка считала своим долгом каждую спасенную душу отмечать шрамом на смуглом теле. И сейчас, нагрев над огнем нож, выводила кровавые узоры. Кация пришла в восторг от рубцов на лице Рунд: рассматривала их и так и этак – и называла «поцелуем бога». По ее мнению, огонь подарил Рунд свирепый дух. И пусть бог отобрал у нее часть мира, вторую он оставил нетронутой.

Рунд же считала, что сделка получилась несправедливой – ее полмира оказались худшей из двух частей.

Если другие тахери после первого года в Паучьей крепости отращивали волосы обратно, то Кация упорно оставалась лысой. Татуировки змеились по голове – ящерица касалась чер-

нильным языком уголка глаза. Мегрия ей была не по душе, зато местные мужчины нравились куда больше тех, кто жил в империи.

– Есть в варварской крови что-то огненное, – мурлыкала девушка всякий раз, когда ее вытаскивали из чужих постелей.

Рунд не одобряла, но и не осуждала – у каждого свои слабости. Сама она предпочитала крепкую сивую воду и хороший табак. И то и другое дарило самое главное – покой. Напиваясь в конце жатвенного дня, она забывала обо всем, что делала. Бёв возражал и даже пару раз пытался отобрать выпивку. Но Рунд такого порыва не оценила и в непродолжительной борьбе щедро разукрасила лицо друга ссадинами.

– Теперь мы оба одинаково прекрасны. Если для меня и существует искупление, то оно находится на дне бутылки. Не мешай его искать. – И с тех пор Бёв молчал. Только иногда Рунд видела в его взгляде жалость, и это злило даже больше, чем его неуклюжая забота.

Запрокинув голову, Рунд подставила лицо под тусклый солнечный свет. Пение Кации ублаживало, и Рунд впервые приснился короткий сон, в котором никто не умирал.

– Принес?

Вместо ответа Бёв фыркнул и уронил ей на колени тощий кошель. Присел рядом, отдуваясь, и Рунд увидела спекшуюся в рыжеватых волосах кровь. Была она и на бледных руках – кое-где еще застывала поверх вздутых от напряжения вен. Проследив за ее взглядом, Бёв мотнул головой:

– Не моя. Просто люди здесь не знают слова «дань» – пришлось преподать пару уроков. Как тебе удается слышать мои шаги даже во сне?

– У каждого калеки – свои скрытые таланты.

Кольца оказались потертыми, монеты – мелкими, но это было лучше, чем пустота в карманах. Осмотрев улов, Рунд оставила себе медную воронью печатку, остальное протянула обратно Бёву. Он с любопытством наблюдал за ней, но ни о чем не спрашивал. Вытер потное лицо и улыбнулся.

– Наш мужичок ждет награду. Говорит, что за каждого ворона назначают золотой дук – так ему сказали в городе.

Рунд хохотнула.

– Мозгов у него совсем, видимо, нет. Стали бы мы трясти их сундуки и отбирать эту мелочь, если бы корона так щедро разбрасывалась деньгами. – Она неохотно поднялась следом за напарником. – Скажи Шиму, пусть прекратит отковыривать чужое дерьмо с портков и поскорее приберется. Нам нужны еда и сухие постели, – сказала Рунд, пряча трубку в заплечный мешок. – Но не здесь. Я слишком устала, чтобы сражаться с крестьянами, которые придут ночью с топорами и вилами, жаждая мести.

– Ты всегда можешь обратиться за помощью к отцу. Он не откажет.

Рунд сделала вид, что не услышала Бёва, и, прихрамывая, пошла к столбам. Их установили наспех, недалеко от опушки и деревни – так, чтобы все живые видели мертвых, а мертвые – живых. Обугленные останки воронов выглядели жалко, воняло паленым волосом и пережаренным в очаге мясом. Этот запах давно стал для нее родным. Рунд остановилась совсем рядом с казненными. Скелеты желтели под слоями жирной копоти, ребра торчали из обгоревшей плоти, приглашающе распахивая свои костяные объятия. Мертвые, вороны и люди окazyвались пугающе схожи. Смерть делает равными всех. Кто это сказал?

Когда Рунд подняла голову, чтобы рассмотреть черепа отца и дочери, солнце скрылось за тучами и пошел мелкий дождь. Нашарив под рубашкой сульд, Рунд приложила его к обветренным губам и опустила на колени в жирную грязь. Яграт снова забормотал свои молитвы, но Рунд слушала не его, а ветер, свистящий в костях.

Напевая какую-то дикую песню, подошел Шим и воткнул в землю лопату. Высморкался, придиричиво осмотрел воронов и тяжело вздохнул. Рунд заметила, что он успел поменять свою

дырявую рубашку на ту, которую прежде носил вальравн. Вышивка-оберег змеилась по вороту, местами розовела плохо отмытая кровь. Но Шима это не смущало. Рунд помнила, что тогда, десять лет назад, Шим привык к жизни в крепости гораздо быстрее ее. Смазливый, с лукавым взглядом, он любил шутки и песни почти так же сильно, как свои парные ножи. Но дураком был тот, кто верил в его веселый нрав.

Заметив ее пристальный взгляд, парень осклабился и почесал заросший щетиной подбородок.

– Ненавижу копать могилы, – доверительно сообщил он и поплевал на ладони. – В следующий раз будем бросать монету.

####

Мужик никуда не ушел вопреки надеждам Рунд. Смирно сидел на щербатом крыльце, всем видом выражая крайнюю усталость. Он не без удовольствия следил за тем, как воронов вытаскивали за волосы из его дома, как резали им глотки и как теплая кровь стекала на землю и руки Кации. А теперь, утомленный зрелищем, ловил блох в своей грязной одежде. Дом за его спиной был лучшим из всех, которые имелись в Ушаке – крепкий камень в стенах и добротная крыша. Остальные не могли похвастаться даже этим – жалкие лачуги из дерна и гнилого дерева. Наверняка мужик был прежде главой деревушки. А теперь... Дым курился над трубой. Рунд представила еду, которой он угощал воронов, то, как они его за это благодарили. И почувствовала подступающую дурноту.

Здесь, в глуши Шегеша, оборотни могли найти сочувствие. Им просто не повезло. Откуда они прибыли, человек не знал, но слышал, куда направляются – в Веребур. Рунд посчитала это ложью – всем известно, что идуны никогда не пропустят вороную кровь через свои перевалы. И все же с такими вопросами пусть разбирается король, а не его медная армия.

Рунд подошла и бросила бумагу мужику под ноги.

– Вот твоя плата. Бери и благодари.

– Это все? – Он тут же вскочил – усталости как не бывало. Расправил пергамент, наморщил лоб в поисках знакомых слов. – Бумажка? Да на что она мне? Кому я смогу ее предъявить? Что на нее куплю? До Тротра неделя езды!

Кация недовольно цокнула языком и хотела было слезть с лошади, но Рунд ее остановила. Доносчик смотрел с негодованием, которое готовилось уступить место ярости. Рунд обвела взглядом жалкие перекошенные дома. Оттуда за ними наблюдали плотно закрытые ставни, голос подал только одинокий петух. В их спор никто не собирался вмешиваться. Предателей здесь наверняка не любили. А мужик думал, что получит много денег и уедет отсюда, и плевать ему на недовольство деревни. Дурак.

– Это расписка с именем самого императора. Видишь, там, в углу, алая длань? – Рунд улыбнулась, но мужик даже не подумал рассматривать пергамент. – Можешь обратиться лично к Небре. В любое удобное для него время, разумеется. – Руки Дрозда затряслись от гнева, лицо покраснело, а водянистые глаза выпучились и увлажнились. – Но, думаю, и наш светлый король Абнер с радостью удовлетворит твою просьбу.

Лицо мужика пошло белыми пятнами. Он скомкал в кулаке бумагу и кинулся к Рунд:

– Да пошла ты, потаскуха! Ты и твой император! И короля отымейте в зад – от моего имени! Вы еще попляшете. – Подбородок его затрясся, и мужик криво ухмыльнулся. – Это не первые и не последние вороны в наших краях. А вы бегите, императорские шавки, и следите за шеей – как бы вас не вздернули первыми!

Мужик бахвалился, но было в его словах что-то такое, что не понравилось Рунд. Ягрat тревожно покосился в его сторону, но Бёв расхохотался – громко и беспечно.

– Помнится, ты сам нас искал и пел тогда по-другому. Как-то слишком быстро меняешь сторону. – Он развернул коня, подавая другим пример. – И наверняка можешь рассказать еще много интересных вещей, но нам, к сожалению, пора.

Дрозд в бессильной злости плюнул несколько раз им вслед, но больше ничего поделаться не мог.

Они ехали молча довольно долго, оставив мужика позади и даже ни разу не обернувшись. Лес темными стенами тянулся по обе стороны, и Великаныи горы возвышались над ними. Шим задумчиво теребил кончик короткой косицы.

– Что, мы даже не вырежем ему язык? – с явным разочарованием уточнил он у такой же кровожадной Кации. Та только дернула плечом.

– Брось. – Бёв усмехнулся. – Никогда не отнимай у охотника его дичь – крестьяне расправятся с ним с не меньшей радостью. Воронов здесь любят до сих пор – хранят верность мертвому Норволу и его сыновьям, хотя они уже давно стали князьями червей. Как по мне, несусветная глупость – мертвецы плохо платят за работу.

– Как будто нам платят хорошо, – пробормотал Шим.

Яграт услышал его тихие слова и решил вмешаться:

– Вера – вот что на самом деле важно. Мы спасаем заблудшие души от скверны и должны находить в этом высшую радость.

– Скажи это моему голодному желудку, служитель. – Усилившийся дождь укрепил дурные предчувствия Рунд. Оставлять за спиной врага было неразумно – кто знает, вправду ли крестьяне растерзают обманутого мужика? Может, они все были в сговоре. – Проповеди будешь читать в храме. Я достаточно наслушалась их за десять лет. Мы честно выполняем свое дело – что еще надо Слепому богу?

Яграт насупился и натянул на лысую голову капюшон татры, чтобы никого из них не видеть. Совсем еще юный, их ровесник. В крепости посчитали, что ему не повредят знания, полученные в боях. Но от парня, всю жизнь отбивавшего колени по храмам, оказалось мало толку. Свою палку он потерял в первой же стычке в таверне, крови не любил и блевал по кустам. Бёв пытался научить яграта защищаться, но Рунд сказала, что это не поможет. Для таких, как этот молец, лучшей защитой были быстрые ноги.

Шим презрительно косился на слабака – мужчин, не умеющих держать меч, в Калахате называли яйценосами. С ягратом говорила только Кация. Их объединяли набожность и любовь к своему делу – великой миссии. Тацианка выросла в семье, где бить детей начинали раньше, чем те делали первые шаги. Для нее крепость стала избавлением от пропойцы-отца. Надеждой.

Рунд представила лицо Тита, когда она приведет к его двору этот сброд, и расхохоталась.

####

– Митрим, лес теней, – кто его додумался так назвать? Сраное болото подошло бы куда лучше.

Рунд потягивала трубку и смотрела, как размытая дождями дорога, петляя, прячется в полумраке. Ближайшие деревья утопали в воде, и жухлая прошлогодняя трава вперемешку с весенней порослью тоскливо торчала из бочагов и луж. В самом лесу было по-вечернему темно. Хотя, по прикидкам Рунд, сейчас только-только перевалило за полдень. Но даже лишённые листвы, деревья плотно переплетались ветвями и хранили вечный сумрак в древней чащобе. Лошади, вышколенные на тацианских конюшнях, подозрительно прядали ушами, и Шим полностью разделял их сомнения.

Но другого пути не было – яграт в отчаянии вертел разложенную на коленях карту. Кация заглядывала ему через плечо, но ни в одиночку, ни вдвоем они никогда не смогли бы отыскать другой путь до Горта. Вороны были осторожны. Это их, конечно, не спасло, но Рунд проник-

лась к ним уважением еще в детстве, когда впервые заблудилась в Митрине. Равнскёг, древняя обитель духов, после падения Норвола превратился в мертвую пущу. Митрим – лес блуждающих в полумраке теней. Рунд вспомнила, как перепугалась тогда и как Тит утирал слезы большим шероховатым пальцем – и торопливо отогнала это воспоминание прочь, словно зудящую муху.

– Болота находятся южнее. Ты всегда можешь попытаться счастья там. – Рунд оглянулась: яграт высматривал что-то в просветах между тучами. – Служитель пойдет первым. Зажжёт люмину, чтобы отогнать плотоядных тварей, духов и прочую пакость. Но не сегодня – завтра, на рассвете.

Лицо яграта вытянулось и побледнело. Он посмотрел в сторону Кации, но та нервно кусала заусеницу на пальце и явно не желала становиться первопроходцем. Бёв тихо посмеивался, и только Шим неожиданно коснулся руки яграта.

– Говорят, – калахатец подался вперед, так, чтобы молец видел испуг в его черных глазах, – раньше вороны собирались там вокруг жертвенников и пускали человеческую кровь. Они пили ее сами – из каменных чаш, а потом срезали мясо с костей, чтобы поджарить. И плясали вокруг священных черных деревьев. Из черепов они делали свои троны, а нагие лесные девы рожали им детей. – Убедившись, что яграт проникся рассказом, Шим радостно добавил: – Поэтому ты пойдешь первым – говорят, Слепой бог сильнее богов старой веры.

– Ну все, хватит. – Рунд прервала напарника, заметив, что яграт вот-вот поступится своими клятвами, развернет лошадь и понесется отсюда прочь. Или же просто свалится в обморок. А волочить его тощий зад хотелось меньше всего. – Все вороны, жившие в Митрине, давно сошли, тебе нечего бояться.

– Кроме нагих дев, – вполголоса хохотнул Бёв.

Яграт согнулся, как будто на плечи ему взвалили непосильную ношу, и зашептал свои молитвы. Но после счел это недостаточным, слез с лошади, дрожащими пальцами зажег пучок трав, и едкий запах тут же заполз Рунд в ноздри. Она торопливо затянулась трубкой. Табак они раздобыли хороший, и как все хорошее, он спешил закончиться.

– Поворачиваем. Остановимся в придорожном трактире.

– Да здравствуют теплая постель и нормальный ужин! – просиял Шим и первым двинулся прочь, подальше от леса, сырости и сумрака. Кация и Бёв потянулись за ним. Но Рунд радоваться не спешила. Она пропустила вперед яграта и поплелась в хвосте. Ее лошадь все время оглядывалась, как будто заразилась тревогой хозяйки.

Погода наладилась – с утра на их головы не упало ни капли. Однако за несколько дней под ливнями им удалось уйти не так далеко, как хотелось. Рунд изводила кошмары, и вот уже пару ночей она провела без сна. Ушак остался позади, горы превратились в зубчатую линию на горизонте, и все же что-то не давало покоя. Им даже удалось подстрелить зайца, и перловая похлебка наконец стала походить на еду. После Ушака все было хорошо. Слишком хорошо – это-то Рунд и беспокоило. Она настояла на том, чтобы не заезжать в деревни – все равно этот край принадлежал нищим. С них нечего было взять, а искать воронов Рунд устала.

– Пусть они найдут меня сами, – сказала она Бёву.

Всю дорогу до Митрима по обеим сторонам тянулись плохо возделанные поля с темной россыпью домов, и теперь они снова поплыли мимо. Люди разместили свои жилища недалеко от леса, и узкие струйки дыма поднимались из печных труб в пасмурное небо. Трактир стоял на развилке: подальше от лесной глуши и поближе к деревне с незатейливым названием Гнездо, которая и на карте обозначалась только потому, что была последним пристанищем по дороге в Горт. Далее не было ничего, кроме Митрима.

– Как-то здесь... Тихо. – Бёв спешился и осмотрелся. Рунд последовала его примеру.

Трактир и пристройки окружал покосившийся плетень, на котором сидел взъерошенный облезлый петух. Он медленно ворочал головой, но при их приближении гневно закукарекал и

угрожающе захлопал крыльями. Кация, проходя мимо, смахнула петуха на землю – спасибо, что не открутила голову. Протяжно замычала запертая в сарае корова, и вслед за ней затянули свое бляенье овцы.

Дранка на крыше поросла мхом, сырость ползла по бревенчатым стенам до самого второго этажа. Его надстроили над первым неумело, и он сидел криво, как съехавшая набок шляпа. Ставни были открыты, и дом смотрел на них окнами, забранными бычьим пузырем. Кация поморщилась.

На двери из темного дерева висел огромный амбарный замок. Рядом с ним, пришипленная гвоздем, болталась бумажка с говорящим текстом: «Третью руку пришили дураку. Грош цена такой армии». Буквы напоминали детские каракули, но написать их мог кто угодно. Рунд вообще удивилась, что здешние крестьяне знают грамоту.

Она сорвала объявление и, повернувшись, сунула его под нос яграту. Парень послушно взял бумагу, и белесые брови поползли вверх.

– Похоже, нам здесь не рады. – Шима эта выходка повеселила, и он забарабанил в дверь сразу двумя кулаками. – Тем больше поводов остановиться именно здесь, – пояснил он Рунд. – Эй, эй, открывайте! Мы знаем, что вы тут.

Шим был прав – даже сквозь закрытые двери заманчиво пахло мясной похлебкой и выпечкой. Рот Рунд наполнился слюной, а живот требовательно заурчал.

– Ну что ты за дурак, – протянула Кация и ткнула татуированным пальцем в замок. – Как они тебе откроют? Стучать надо в задние двери.

Однако обходить трактир по кругу и искать черный ход им не пришлось – из-за угла показался дородный мужчина в заляпанном кровью фартуке. В одной руке он нес топор, в другой – куриную тушку. Рассмотрев как следует их одежду и мельком глянув на лошадей, мужик насупился, сведя густые брови к широкой переносице.

– Трактир закрыт. Для всех, – сказал он с вызовом.

Кация, привыкшая к страху мегрийцев, удивилась, но Рунд только пожалла плечами.

– А мы не все. – Заметив, что мужик перевел взгляд на нее, Рунд улыбнулась – так, словно они с ним были старыми друзьями. Ее улыбка, если верить Бёву, внушала страх куда больший, чем все оружие мира. – Мы грошовой войско, которое пришло от дурака. Может быть, ты знаешь такого – императора Небру? Вряд ли вы виделись с ним лично, а в то, чего не видишь, как говорится, веришь с трудом. Но мы можем устроить встречу с ним для твоей головы. Как думаешь, не слишком ли высокая цена за простой ужин?

Мужчина с минуту стоял на месте, как будто слова Рунд, плутая, с трудом находили дорогу к его мозгу. Потом, смачно плюнув и отшвырнув топор, подошел и открыл замок. Не говоря ни слова, прошел внутрь. За ним тянулась узкая дорожка из куриной крови.

Черпак выпал из рук стоявшей у очага женщины и загремел по выскобленному полу. Одета она была в бедное, но чистое платье, и выбившиеся светлые пряди волос прилипли к ее потному лбу. С круглого бледного лица на них тарасились огромные, как золотой дук, глаза. Рунд втянула запах еды и улыбнулась. С потолочных балок свисали пучки трав и соломенный паук-оберег, на который яграт покосился с неодобрением.

Хозяин трактира расположился за стойкой и сжал тряпку в толстых пальцах. Смотрел он при этом именно на Рунд – твердо и выжидающе.

– Нам нужны еда и четыре койки.

Мужик покосился на женщину, чье внимание целиком поглотила булькающая над огнем похлебка. Поправив чепец дрожащими руками, она предоставила ему самому решать вопрос с незваными гостями. Рунд терпеливо ждала, повернув голову так, чтобы трактирщик видел ее слепой глаз в буграх уродливых шрамов. Шим и Кация, не дожидаясь приглашения, облюбовали стол, на котором стоял забытый поднос с ломтями свежего хлеба. Его они поделили между

собой. Яграт оглядывал комнату в поисках других языческих предметов и истово молился. Бёв наблюдал за ним, насмешливо изогнув рыжеватую бровь.

– У нас закрыто. И проблемы с едой. Мы давно не принимаем путников – разве вы не видели замок? – буркнул хозяин и сплюнул в сторону, выражая неприязнь.

– Видели. А вместе с ним и это, – Рунд положила на стол клочок бумаги и ткнула пальцем в каракули. – Может, нам отыскать написавшие эти слова руки и отрубить их, чтобы другие боялись?

Лицо мужчины побледнело. Он снова глянул в сторону печи, но помощи оттуда так и не поступило.

– Я могу забыть обо всем в обмен на еду. И теплые одеяла. Мы никого не тронем и останемся здесь только на одну ночь.

– У нас и в самом деле все плохо. – Мужик говорил нехотя, но презрения в его взгляде поубавилось. – Наши озимые сожгли разбойники месяц назад – мы ездили с прошениями в Тротр, а оттуда письма ушли лорду и королю.

– А про императора забыли? – усмехнулась Рунд. – Подотришь своими прошениями, мой тебе совет. Никто не поднимет свою жопу и не приедет в такую глушь спасать эту вонючую деревню и ваш погибший урожай. Уж точно не Железный Тит и не трясушка Абнер. Я сказала, что нам нужны еда и четыре койки. Я не спрашивала, из чьей задницы ты все это достанешь.

Их разговор прервал скрип ступеней. На лестнице, отчаянно трусая, показалась молодая женщина. Светлые тяжелые косы лежали на высокой груди и огромном животе, который она, желая защитить от этого мира, прикрывала руками. Ее и без того большие глаза увеличились при виде тахери.

– Отец? – Она замерла на последней ступеньке и едва удержалась от того, чтобы кинуться обратно. Тонкий голос дрожал, выдавая страх. Рунд посмотрела на ее пальцы и не нашла обручального кольца. – Мама?

– Ступай наверх. Мы с матерью справимся сами. – Мужчина, к удивлению Рунд, изобразил на лице какое-то подобие улыбки. – Моя дочь. Приехала навестить нас. Иди в свою комнату. Не мешай господам.

«Так, мы уже господа», – подумала Рунд. Девушка еще раз осмотрела комнату и собравшихся в ней людей и, осторожно развернувшись, исчезла в полумраке.

– Твоя дочь на сносях и приехала к тебе в гости, в эту глушь, как же. Что за неуклюжее вранье. Да она не замужем – сразу видно, что принесла в подоле своим родителям неожиданный подарок. Но это дело не мое. Еда. – Подумав немного, Рунд повернулась к Бёву: – Заплати за все.

– Но... – Бёв коснулся ее руки. – У нас и так мало денег. Может быть, стоит все же...

– Я сказала – заплати. – Рунд требовательно протянула ладонь, и друг нехотя положил на нее кошель. – А ты, – она повернулась к трактирщику и ухмыльнулась, заметив, как задрожали его губы, – сделай милость, запри двери и больше никого сюда не пускай. Трактир ведь не работает? Вот и прекрасно. Заодно покормите наших лошадей. И согрейте воды – мы давно в дороге. Если кто-нибудь из вас сунется в деревню, – обращенная к ней спина трактирщицы окаменела, – я лично спалю здесь все дотла. А наш славный яграт призовет сюда бога, которому не понравится ни вы, ни ваши обереги. Вспоминай мои слова, когда будешь готовить еду и в твою голову придет мысль ее отравить. Нас травили годами – и вряд ли ты найдешь яд, способный упокоить мою душу.

####

– А мужик ведь прав. Мы видели поля – озимые сожжены. И эта бумажка...

Рунд фыркнула и поудобнее устроила голову на плече Бёва. Кожа друга пахла дегтярным мылом, зато дыхание отдавало цветочной настойкой. Каждый раз, целуя его, Рунд оказывалась посреди медвяных лугов. И ни крови, ни гари – только солнце и дурманящий, приятный запах цветущих трав. Совсем как в полузабытом детстве.

– Может, и правда разбойники. Но что это меняет?

– Нам стоило бы все проверить. Ты ведь права – никто не поедет сюда разбираться. А вдруг это оборотни?

Огонь погас, и в темноте очага алела горстка углей – словно десятки глаз, наблюдавших за ними.

– Птицы не станут лишней раз выходить из своих укрытий. Подумай только: на них охотятся уже больше десяти лет. Их осталось слишком мало, и почти все – жалкие полукровки. – Рунд, не отрываясь, смотрела на тлеющие головешки и гладила Бёва по вытянутой руке. – Нет, они не будут рисковать. Скорее всего, это сделали сами люди. Или идуны. Да кто угодно – нам какая разница? Я напилась крови на долгие месяцы вперед. К тому же, ты слышал, они направили прошение королю. Вот пусть трясушка с ними и разбирается.

Нащупав во мраке лицо Бёва, Рунд приложила ладонь к мягким губам.

– Давай хотя бы на один вечер забудем обо всем.

С этими словами она уселась сверху, обхватив его ногами. Пальцы Бёва, лаская, пробежали по спине – неторопливо и нежно. Рунд любила тьму – в ней скрывалось ее уродство. Бёв говорил, что его нисколько не волнуют ни шрамы, ни слепой глаз, но Рунд все равно стеснялась. Ненавидела себя за эту слабость и ничего не могла поделать.

Теплые ладони мягко коснулись ее живота, и Рунд откинулась назад.

Следуя за движениями Бёва, Рунд постаралась, чтобы койка скрипела как можно громче. Представив пунцовое лицо яграта, подслушивающего за тонкой стенкой и бормочущего свои молитвы, она испытала ни с чем не сравнимое наслаждение.

Глава 4

Когда все равны

сли бы у Абнера кто-нибудь спросил, что он ненавидит в жизни больше всего, он без сомнений назвал бы Залу. Привел бы этого человека, усадил рядом с собой на холодный каменный трон и заставил слушать нудное брюзжание выживших из ума стариков. Впрочем, иногда старцы так распалялись во время споров, что принимались драться: охаживали друг друга фолиантами, разбрасывали бумаги и чернила – это было единственным развлечением на Совете Десяти, и Абнер не торопился их разнимать. Смотрел, как почтенные мужи, крича, позорят себя и государство на глазах у черни и послов, и смеялся. Но не вмешивался. Напротив, часто именно он доводил их до исступления своими глупостями – а потом веселился. Но так, чтобы не заметила королева.

Дурное настроение Брунны совпадало с заседаниями – меньше всего его супруга любила сидеть под пристальными взглядами людей, которых презирала. А презирала Брунна всех.

Абнер попытался вспомнить, улыбнулась ли королева хоть раз за пятнадцать лет их странного брака. Наверное, нет. Возможно, Брунна вообще не умела улыбаться. Вот и сейчас она сидела и кривилась, куксилась и прижимала к лицу надушенный платок. С неудовольствием Абнер заметил, что королева нацепила на себя слишком много украшений. Тонкую шею оттягивало ожерелье из морского жемчуга, и даже в свой длинный нос Брунна умудрилась продеть цепочку. Будь у нее волосы, она бы и туда засунула драгоценные камни.

Стеврон тоже любил выставлять напоказ все, что имел. Поэтому в конце концов все и потерял.

Королева застыла неподвижно на своих бархатных подушках – уж ее-то задница не покроется синяками. «Зато, – подумал Абнер, – она наверняка сварится в своих тяжелых атласных накидках». Это его немного порадовало.

Если бы у Брунны спросили, что она ненавидит в этой жизни больше всего, она без сомнений ткнула бы костлявым пальцем в карту Мегрии. А потом в своего супруга.

Имелись у Абнера и другие поклонники – взять хотя бы Сенну. Старый хрыч достался ему в наследство от отца и даже не скрывал своей неприязни. Отыскав покрытую пятнами голову советника, Абнер со злорадством отметил, что тот чувствует себя нехорошо. Сенна оттягивал ворот своей темной мантии и промокал пот, обильно текущий по жирному лоснящемуся лицу. Остальные девять негодяев шуршали бумагами, сверяя между собой отчеты, и делали вид, что им не жарко. С тех пор как они здесь собрались, писарь успел дважды перевернуть песочные часы. А цифры у стариков все никак не желали сходиться – или они сидели так долго назло своему королю.

Зала гудела, как взбудораженный улей. Абнер скучал и потел. Весна приходила в Амад раньше, чем в другие земли Мегрии, и приносила с собой удушающий зной. Здесь, в стенах из белого камня, солнце светило особенно ярко – сквозь купол, изготовленный из таианского стекла. Стеврон, должно быть, выжил из ума, когда решил построить эдакую нелепицу. Впрочем, насколько Абнер помнил, отец не утруждал себя посещениями советов. Отсюда и начались все его беды – предыдущий король был захвачен военными планами и хотел потешить самолюбие громкими победами. Ему не было дела до сплетен, цифр и простых людей.

– Писал ли отец-император Небра? – любезно обратился Абнер к Брунне. Ему хотелось отвлечься от жары, зуда на руках и судороги, захватившей в плен левую ногу. Королева в ответ одарила его холодным взглядом темно-серых глаз. – Мне интересно, как поживает моя сестра Инге. Не обижает ли ее ваш брат Нуций?

Брунна облизала губы – быстрое змеиное движение языка – и вздохнула.

– Новых писем не было. Но я уверена, что Инге живет гораздо лучше меня. Ей не приходится проводить дни среди дикарей. – Брунна выразительно посмотрела на верхние галереи, где толпились простолюдины. Тех, по обыкновению, помещали на самые неудобные места: жаркие летом, холодные – зимой.

«Тебя никто и не просил идти сюда», – хотел сказать ей Абнер, но промолчал. Судорога превратилась в жадного пса, который желал отхватить как можно больше мяса острыми зубами. Абнер запрокинул голову: пыль мошкаррой толклась в солнечных лучах, чернь бранилась, им было тоскливо. Никто из них не понимал ни слова из докладов Десяти – едва ли они умели читать и писать. Однако Абнер твердо решил не идти дорогой отца, как и не собирался давать простолюдинам свободу, – но позволял верить, будто они свободны. Создавал видимость того, что любой человек имеет право знать о государственных делах. Даже если ничего в них не смыслит.

«Интересно: если я пушу пену изо рта прямо здесь, это хоть кого-нибудь взбудрит?»

Словно услышав его мысли, Брунна повернула голову. На бледном угловатом лице читалось неодобрение.

– Приступы стали чаще?

«Она знает меня хорошо. Даже слишком – для человека, который меня не любит».

– Не стоит беспокоиться. Я забыл принять отвар, только и всего.

Брунна покосилась на его левую руку. Она уже начала мелко трястись – Абнеру пришлось спрятать ее за спину.

– Тебе стоит съездить к моему отцу. В империи много хороших целителей. Можешь даже позвать их сюда.

«И дать им возможность отравить меня так искусно, что никто и доказать ничего не сможет».

– Благодарю за беспокойство, но мой лекарь отлично справляется. И будет просто великолепно, если император Небра не узнает о моих страданиях.

Глаза Брунны, и без того небольшие, превратились в сердитые щелки, а бледные щеки покрылись некрасивыми пятнами. Она уже открыла рот, чтобы высказать очередную тираду, но Абнера, сам того не зная, спас Сенна. Помилуй бог его плешивую голову!

– Ваше величество, мы готовы озвучить доклады. – Его толстые пальцы сминали стопку бумаг, которые он, если верить выражению лица, больше всего хотел швырнуть в своего короля.

– Чудесно. – Абнер поерзал, пытаясь найти удобное место на пыточном кресле. – Чудесно, – повторил и махнул рукой: – Приступайте.

Стражники разом грохнули о пол алебардами, давая понять придворным и крестьянам, что нужно соблюдать тишину. Важное заседание! Сейчас старики начнут соревноваться в недо-стачах и уличать друг друга во лжи. Может, даже подерутся. Впрочем, что бы они ни делали, Абнер вряд ли сможет вытерпеть это до конца. Время было его врагом, а черная кровь внимательно наблюдала за сыплющимися песчинками.

Абнер представил себя, в корчах извивающегося у подножия высоких столов, и лицо Сенны, который хоть и знал о недуге короля, но сам приступ никогда не видел. А Брунна, ходившая сюда за его позором, будет впервые счастлива. Может, даже скривит свои тонкие губы в улыбке.

Один за другим старики поднимались, кланялись и на удивление радостными и зычными голосами сообщали о скудной казне Мегрии. Абнер слушал цифры, но слышал за ними другое: нам пора расширять земли, нам нужна дань, нам пора отправиться на войну! Точно так же они морочили голову его отцу. А потом охотно помогли ее открутить. Абнер ощущал жадные взгляды старичья – они начинали примериваться и к его голове. Если бы не поддержка Небры, его шею давно насадили бы на пику.

– Следует подумать о Веребуре. Плодородные земли, выход к торговым путям между Тремя сестрами и Орракуттой – Мегрии нужна поддержка севера и запада. – Сенна зачитывал свои бумаги дольше прочих и все время посматривал на Абнера. Тот даже пошевелил ртом, но нет – проклятый пес еще не добрался до лица. Зато прочно обосновался в груди – каждый вздох приносил боль.

Абнер прикрыл веки и представил себе одутловатую голову Сенны, выставленную на крепостной стене Ройга. Подумал и добавил мух и вывалившийся синюшный язык. Изумительное зрелище.

– Вы были на севере, советник Ферт? – Старик по правую руку от Сенны поспешно помотал седой головой и вцепился в счетную доску. – Или, может быть, вы, советник Рид? – Тот даже не поднял взгляда. – А я был. Почему вы решили, что знаете больше меня? Конечно, я не добрался до легендарной юбки Дамадара, но охотно верю, что она до сих пор полощется на ветру. И потом, идуны – вы забываете о них.

Однако Сенну было не так просто смутить. Он крякнул и, к удивлению Абнера, издал какой-то писклявый смешок, будто все, только что прозвучавшее в Зале, было шуткой.

– Идуны – это всего лишь жалкая горстка дикарей.

Брунна хмыкнула – такого же мнения она придерживалась обо всей Мегрии.

– Великаны горы остались неприступными для королей, которые были сильнее и богаче меня. Даже вороны боялись летать туда – у черог были к ним какие-то претензии. Вы знаете, кто такие черог, Сенна?

Подбородки советника затряслись от возмущения.

– Ваше величество полагает, что в его совете сидят одни дураки. Тогда пусть он предложит другой способ пополнить казну. Наши долги растут вместе с количеством наших врагов. Орракутта...

На галереях зашумели – не часто при них королю осмеливались так неприкрыто грубить. «Это вы еще не бывали на закрытых заседаниях», – с тоской подумал Абнер. Уж там Сенна и вовсе не церемонился.

Однако Абнера люди терпели – не любили, но так даже лучше. Любовь слишком часто оборачивается ненавистью. А вот старики, которые никак не желали уступать насиженные места, особой популярностью не пользовались. Поэтому Сенна настороженно обвел взглядом Залу и даже хотел вернуться на свое место, но Абнер остановил его поднятой дрожащей рукой.

– Орракутта вот-вот развяжет войну сама с собой. Объединенным королевствам нет никакого дела до нас. Решать денежные вопросы – забота Десяти, не моя. Но я охотно покажу, как решаю вопросы с врагами. – Абнер почувствовал, как судорога скрутила вторую руку, и поспешно спрятал ее за спину. Дивное, должно быть, зрелище – король, скрюченный от страха под презрительным взглядом старого лжеца. – Дион, – Абнер повернулся к тахери, который стоял ближе прочих к его трону. Высокий смуглый воин равнодушно посмотрел на своего короля, – покажи почтенному собранию свой недавний улов.

Воин коротко поклонился и, обойдя кресло, двинулся к выходу по узкому проходу.

– Улов? – Лицом Сенна стал удивительно походить на раздувшегося борова. Абнер с удовольствием отметил, что руки старика затряслись так же сильно, как у него самого. – Что это значит? Наше заседание посвящено финансам... – Сенна проследил взглядом за Дионом, который неторопливо покинул Залу. – Я бы не хотел...

– Хотел, не хотел. Король приказывает. Вы повинуетесь. При дворе моего отца головы рубят и за меньшее неуважение. – Брунна зашуршала своими накидками и, к изумлению Абнера, поднялась, придерживая обеими руками огромный живот. – Позвольте мне лично проследить за приготовлениями.

Абнер обескураженно кивнул. Брунна дернула плечом, и шестеро тахери, став полукругом, двинулись за ней к выходу. Пока они шли по мраморным квадратам, Зала перешептывалась. Абнер почти физически ощущал нарастающее возбуждение и сам поддавался общему настроению. Если бы только приступ дал отсрочку! Абнер достал платок и промокнул им лицо. Сенна вопросительно смотрел на него, но впервые за всю жизнь Абнеру было нечего ему сказать.

Он прикрыл глаза и открыл их только тогда, когда люди, ставшие свидетелями необычного заседания, притихли. А потом загомонили еще сильнее. Кто-то даже закричал – но что именно, Абнер разобрать не смог.

Перед ним стоял Дион и держал в руках веревку, заканчивающуюся петлей. Она крепко удерживала шею мужчины, невысокого и худого, в неброской серой одежде и с волосами, заплетенными на калахатский манер. Он держался уверенно, даже расслабленно – и неторопливо рассматривал пестрое королевское собрание. Абнер наблюдал за ним с любопытством. Надо же, такая обыкновенная наружность – встретишь в толпе и тут же позабудешь. Если бы не зеленые мшистые глаза, нипочем бы не догадался. К счастью, воронья кровь всегда дает о себе знать – к счастью для него, Абнера, разумеется.

А вот ворону не повезло.

– Перед королем следует становиться на колени, – мягко объяснил пленнику Абнер и мотнул головой. Дион достал меч и поднял его для удара. Мужчина вздернул подбородок, коротко

улыбнулся – ну, этому хотя бы весело. А вот Сенна, глядя на живого вальравна, оцепенел и даже позабыл, что уже может сесть обратно на свою скамью. Сжал кулаки и выпучился так, будто хотел облегчиться прямо здесь, но страдал запором. Прежде он видел такое только на гравюрах. Остальные едва сдерживали желание спрятаться под столы.

– Я сам. Благодарю.

Ворон неторопливо опустил на пол, но голову не склонил и посмотрел прямо на Абнера. В смелости ему не откажешь – и в наглости тоже. Собственно, подумал Абнер, разве одно не следует из другого? Особенно когда ты безумен.

Вальравна окружал запах чиоры – дурмана, усыпавшего таццианские луга. Император Небра использовал настои перед всеми публичными допросами и часами развлекался, слушая, как развязываются языки даже у самых убежденных молчунов. Абнер решил, что именно такой традиции не хватает Мегрии, – и не прогадал.

– Ну, – Абнер подался вперед, и его нога протестующе возопила, – прошу любить и жаловать нашего гостя.

В Зале впервые за много лет сделалось так тихо, что Абнер, кажется, мог услышать даже биение собственного перепуганного сердца.

– Признаться, земли Амада не видели таких птиц уже больше пяти лет, а в Зале ваше племя и вовсе никогда не бывало. Ну и как тебе здесь, нравится?

Ворон задумался, лицо его при этом не отражало ни страха, ни сомнений. Вполне может быть, он и впрямь ничего не боялся.

– Воняет. – Мужчина улыбнулся, и Абнер расхохотался, на мгновение позабыв о надвигающемся припадке.

– Я думаю, твое присутствие делает желудки нашего Совета слабыми. Ты ведь знаешь этих уважаемых господ?

Дион вцепился в черную косу и с силой развернул ворона лицом к высокому столу. Советник Рид, не выдержав, осенил себя знаменем Слепого бога и даже что-то забормотал. Остальные, включая Сенну, сделали вид, словно давно и безнадежно окаменели. Абнер с наслаждением откинулся обратно на спинку трона и незаметно помассировал дергающуюся ногу. К счастью, сейчас король остался без внимания.

– Да, – помедлив, ответил ворон. – Думаю, что с кем-то из них я точно знаком.

– Вот как. Очень интересно. Может быть, ты даже покажешь, с кем именно?

Сенна, как и рассчитывал Абнер, не выдержал первым.

– Что за представление? Кто это и почему он должен, как вы выразились, нас знать? – Советник задыхался, и его палец, указывающий на ворона, мелко трясся. – Как... как эта мерзость очутилась здесь, в самом сердце нашего государства?

– Очень интересный вопрос, который мучает меня уже две недели. Прямо спать не могу, весь извелся, – радостно поддержал его Абнер. – Для этого я сейчас сижу здесь, а он стоит перед вами – мы все ищем правду. Ведь сила именно в ней, не так ли, господа и дамы? – Абнер поднял голову, и слова его встретили одобрение – в основном у простонародья, но и это хороший знак. Придворные ответили жидкими аплодисментами – они еще не поняли, что к чему, и не хотели делать поспешных выводов. «Настоящий клубок змей», – восхитился Абнер.

– Кажется, его я и знаю. – Ворон указал на Сенну, который торопливо собирал свои бумаги. Советник тут же уронил все, что держал, и счета кипой полетели на пол. – Или нет, постойте! – Лицо Рида побледнело, едва не слившись со стенами. – А может быть, его. – Фитц проявил набожность вслед за Ридом и поспешно приложил к губам сульд. – Не знаю. На нем была черная мантия. Лица я не видел.

– Мантия! – презрительно фыркнул Сенна. – Мантия! Да кто угодно мог сшить такую одежду. Кто угодно! – повторил он и огляделся, ища поддержки. Но советники с подозрением и страхом косились друг на друга. Каждый видел предателя в другом, только не в себе.

– Разумеется, – не стал спорить Абнер, – но у нашего гостя обнаружили вот такую затейливую вещь.

Абнер сунул дрожащую руку в карман и достал массивную серебряную печать. В раскрытой пасти рыси вспыхнул огромный рубин. За него можно было безбедно жить далеко от Мегрии, империи и пеньковой веревки. Но ворон, конечно же, мечтал не об этом. Абнер сжал зубы, чтобы перетерпеть боль, и перебрал печать Диону.

– Ее мне дали как участнику заговора. – Вальравн дернулся, и Дион разрешил ему повернуться и посмотреть на короля. Бледное изможденное лицо ворона выражало неопишуемый восторг. – Кажется, ваше величество ненавидят больше, чем я мог себе представить! – И он зашелся в приступе безумного смеха.

Смех этот улетел под своды и породил настоящий ураган. Люди затопали, засвистели и закричали все разом – впервые и придворные, и простолюдины проявили поразительное единодушие. Абнер не мог разобрать ни слова, но это было не важно. Он смотрел на беснующегося ворона, которому представление доставляло куда большее удовольствие. Молчали только советники – одни оторопело смотрели на короля, другие закрывали лица руками. Жалкие мешки с дерьмом, негодяи, порожденные слабостью старого короля.

– Какой ужас, – прошептал Лерой – самый молчаливый и тихий из всех советников. Этот старик докучал Абнеру меньше прочих, и он покосился на него с жалостью.

– Какая ложь! – возопил Сенна и попытался перебраться через стол, но был остановлен вернувшимся отрядом тахери. Королева больше не появилась. – Какая ложь... Ты, мальчишка, бессовестный предатель... Ты подлец! Позор крови Стравоев, отродье...

Один из тахери ударил Сенну по лицу, и железная перчатка разбила толстые губы. Но старик не сдавался.

– Вы ничего не докажете! Это все вранье, наглая ложь, неужели вы не видите? – Сенна хрипел, пытался вырваться, заваливался на стол, и тот, не выдержав, накренился и с грохотом упал на пол прямо под ноги вальравна. Бумаги осыпались вниз вместе со счетными досками. – Вы все ослепли?

Одного за другим советников поднимали на ноги, за шиворот, как нашкодивших котов, – и никто, кроме Сенны, не сопротивлялся. Абнер улыбался. Бешеный пес подкрадывался к его лицу, но Абнеру было все равно – сейчас он по-настоящему счастлив. С трудом засунув немешкую руку в другой карман, король достал оттуда вторую печать – сестру-близнеца первой.

– В нашем государстве только две такие прелестные вещи. Одна из них обычно находится в моей спальне, а вторая кочует по рукам Десяти мудрейших, которые на поверку оказались недостаточно мудрыми. – Абнер дернул плечом, и старичье подтащило к подножию высокого трона. Бумаги безжалостно сминались под сапогами, а у вальравна оказалась чудесная компания. Ученых мужей поставили рядом с ним, и было неизвестно, что их пугало больше – королевский гнев или соседство с чудовищем.

Советники казались тряпичными куклами в руках безжалостных артистов. Абнер вспомнил, что в его детстве отец часто принимал у себя всякий сброд – и кукольников, и певцов. Стиврон поистине владел даром окружать себя гнилью и падалью.

– Тогда вы должны найти виновника, – советник Рид, пытаясь вернуть утерянное достоинство, вступил в переговоры, – это ваша обязанность. Ваш отец так и поступил бы.

– Мой отец был справедливым и милосердным королем. Добрым, верным своим дурацким принципам. И глупым. Именно поэтому сейчас его голова гниет в земле, а моя все еще дышит воздухом. К моему счастью, я на него совершенно не похож. – Абнер почувствовал во рту металлический привкус. – Начнешь искать крайнего – и никогда не закончишь.

На него смотрели сотни глаз, спина его взмокла, и он сдерживал боль, впившись ногтями в ладони. «Вот будет потеха, если я обделаюсь прямо у них на глазах – король-трясучка, ока-

зывается, еще и гадит под себя! Ну и дела. Не пора ли выбирать нового короля?» Гул Залы смешался с шумом крови в ушах, и голова Абнера закружилась.

– Вам плохо, ваше величество? – Сенна, стоявший напротив, улыбнулся, показав окровавленные зубы. Бой был проигран – и советник понял это самым первым. Абнер ожидал, что именно он скажет напоследок какую-нибудь гадость, но все равно удивился – в первую очередь беспечной улыбке. – Что ж, дышите воздухом, пока можете. Но он, – Сенна покосился на ворона – тот перестал смеяться и теперь что-то негромко насвистывал себе под нос, – не первый и не последний. Будут еще – безмянные тени, ваш оживший кошмар. Нам вынес приговор сам король Мегрии – пусть несправедливый, но мы всегда знали, что именно вас стоит бояться. А кто вынесет смертный приговор самому королю? – Сенна пожал плечами. – Никому не известный дикарь? Простой человек? Неведомый враг. – Советник прижал пухлую руку к сердцу и подмигнул: – Ваша жизнь – это страх перед тысячами лиц. Думаете, вы великий уравнитель?

Слова Сенны тонули в криках и проклятиях, которые на головы советников обильно сыпались с галерей. Его могли слышать только он сам, верные воины и те, чья жизнь уже была повенчана с петлей. Ему не было страшно. Но Абнер все равно пожалел, что рядом нет Брунны. Пусть они не любили друг друга, но тацианка всегда находила ответы там, где он терялся.

Судорога свела желудок, и Абнер представил, как скручиваются в спазмах его кишки. Черная кровь превратилась в жидкое пламя, пес восторженно заскулил и вцепился в легкие – со всей доступной ему силой. Невидимые руки душили его изнутри. Зала покачнулась вправо, потом влево, и медленно поплыла.

«Ну, вот и все, – подумал Абнер. – Почему каждый лучший день непременно оборачивается чем-то худшим?»

– Что вы, Сенна, – Абнер оттянул ворот камзола и заметил, что вены на его руке вспучились и почернели. Советники удивленно смотрели на короля, и Абнер молил всех богов о том, чтобы никто на галереях не сумел разглядеть его недуг. – Только смерть уравнивает всех. И это – последний урок, который вам предстоит выучить. Королева поможет – на языке насилия она изъясняется намного искуснее меня. Проводите. – Он поднялся на ноги и пошатнулся. – Проводите их. – Поймав насмешливый взгляд Сенны, Абнер добавил: – Всех повесить. Но перед этим – вырвать лживые языки. Мой тесть давно не получал никаких даров.

Глава 5 Жертва

левок, не долетев, остался плавать в луже. Мужчина улыбнулся и показал Титу гнилые зубы.

– Старые боги, новые боги – все они хотят нашей крови. Скорее я поцелую милорда в зад, чем пойду в эту молельню. Прибей меня своей рукой, ты, королевский холуй. Предатель. – Последнее слово приговоренный сопроводил еще одним плевком – и на этот раз попал Титу на рукав. – Гниль. Мы померем, но дождемся тебя в туманном краю Изнанки и спросим за все. Ты выкормыш ворон, не имперцев. Слепой бог закроет ворота перед твоим носом – так и знай.

Распятый между стражниками, мужчина не испытывал ни страха, ни сомнений. Жалкий сморчок в дырявых штанах, босой и вшивый, а сколько отваги! Тит ему даже позавидовал. И не позволил бить, когда Винке замахнулся – здоровенный кулак послушно застыл у оплывшего

лица. Пальцы Тита заныли – прошедшая ночь была долгой, и пролитой крови хватило бы всем богам на этом свете.

– Сначала ему отпустят грехи.

– Грехи! – Крестьянин скрутил кукиши двумя руками. – Засунь в жопу свое прощение. Сдалось оно мне – так и передай этому паскуднику. Мои боги останутся со мной. – И, довольный своей речью, мужчина запрокинул голову к небу.

Тит посмотрел туда следом за ним, но никаких богов не обнаружил. Тучи ключьями наплзали с севера – казалось, что это горы их выдыхают и отбирают у Шегеша скудное тепло. Сизый край – призрачный край. Тит обернулся: люди толпились у подножия холма, копошащийся ком грязных избитых тел. Стража то и дело награждала их тычками и посмеивалась над тихими рыданиями женщин и детей. Горт угрожающе возвышался над распахнутыми воротами и наблюдал за ними темными окнами. Тит глубже вдохнул воздух, напоенный влагой, и отвернулся. Щеки горели.

Камень, его соучастник, равнодушно наблюдал за тем, как Тит вынимал меч, обтирал его тряпкой и щурился, пытаясь разобрать свой же почерк. Буквы, насмехаясь, плясали перед его глазами.

– Грег, ты обвиняешься в государственной измене. Я, лорд Шегеша Тит Дага, от имени короля Мегрии, протектората Тацианской империи, Абнера Стравоя, обвиняю тебя в пособничестве воронам и вере в кровавых богов. Есть только одна вера – в Слепого бога, пусть его длань коснется тебя и спасет твою душу.

Грег пропустил эти слова мимо ушей – он закрыл глаза и шептал свои молитвы. Почему-то Тит был уверен, что те, к кому он обращался, его слышали.

– А как же яграт? – Второй стражник, Брен, мотнул головой в сторону храма.

– Обойдемся на этот раз без него.

Винке понятно кивнул и дернул Грега, заставив того опуститься на колени. Мужчина не стал сопротивляться, но открыл глаза и уставился на Тита.

– До встречи, – сказал и подмигнул так, будто они были друзьями.

Меч опустился на грязную шею, подводя итог еще одной жизни. Голова Грега, подпрыгивая, скатилась вниз – первая из десяти.

Под конец казни дрожащие руки Тита свело судорогой. Молодая, по-весеннему яркая трава смялась и окрасилась в багровый цвет, а камень превратился в вороний алтарь. В выемках собралась кровь, и он долго не мог отвести от нее взгляд. Пошел дождь. Тит подставил потное лицо под холодные капли и высунул язык, пытаясь их поймать – хотелось пить.

– Соберите головы, сожгите тела. На сегодня все.

Оставив стражников топтаться на холме, Тит заскользил в грязи – спускаться было легче, чем подниматься, но ноги отказывались гнуться всякий раз, когда приходилось идти в храм. Черное дерево хранило внутри статую бога и того, чьими глазами он наблюдал на земле. Тит не знал, кого из них двоих он меньше всего желал бы видеть.

Меч оттягивал руку, скользил в высокой сухой траве. Ветер проносился по полю, вздымал полы плаща. «Предатель, – шептали стебли мертвыми голосами, – предатель, падальщик». – «Посмотри на себя, Тит Дага, – предлагали лужи и бочаги с черной водой. Рябь бежала, и казалось, что кто-то там, внутри, следит за каждым его шагом. – Посмотри, кем ты стал».

– Заткнитесь, – прошептал он и заторопился – на пороге храма, размахивая дымящей люминой, стоял яграт.

Годы сморщили кожу на обветренном лице, но взгляд синих глаз мольца остался острым. Он подозрительно сощурился, когда Тит остановился на тропе. Тахери, несшие вахту, равнодушно посмотрели на своего лорда.

– Сомнения? – Голос яграта, тихий и хриплый, был хуже любого крика.

– Нет.

Тит устался на подол темной татры, вышитый потускневшими золотыми нитями. Нашарил под рубашкой сульд и прижал его к губам. Встал на колени.

– Разреши войти в дом моего господина, моего бога, отца всего живого и хранителя мертвых врат.

Над люминой курился дым, пахло разнотравьем и можжевельником. Шар продолжал покачиваться на длинной цепи, хотя руки яграта – бледные, с длинными цепкими пальцами – замерли. Мужчина молчал, и Титу подумалось, что он развернется и закроет двери, так и не впустив его внутрь. Дождь стал сильнее, плащ отяжелел, мокрая рукоять меча выскользнула из ладони. Тит устал и готов был лечь прямо здесь, в грязи, лишь бы ему не пришлось идти дальше.

– Хорошо, – яграт положил ладонь ему на затылок, – отец тебя заждался. Ты редко навещаешь его, – и, повернувшись, исчез за приоткрытой дверью.

Тит, ничего не ответив, вошел следом. Сердце забилося быстрее – тысячи раз его ноги топтали земляной пол, но гнев никуда не делся. В полумраке скользили тени. Угли вспыхивали в жаровнях у ног высокой, в полтора человеческих роста, статуи из белого камня. Узкое лицо страдальчески кривило рот, из пустых глазниц текли нарисованные киноварью слезы. Слепой бог жался к задней стене храма, это были не его земли и не его дети – и все же он имел здесь власть, заключавшуюся в страхе. С тех пор как Шегеш перестал быть вороньим княжеством, а Тит превратился в лорда, прошло десять лет, но люди продолжали верить в богов, о которых нужно было позабыть. Души не так просто сломить – да Тит и не пытался. Палач при короле – вот кем он стал. Однако, отбирая жизнь у тела, никто не сможет получить власть над духом.

На протянутых к Титу ладонях горели, оплывая воском, свечи. Яграт ворошил угли и, казалось, потерял к гостю всякий интерес. Тит знал, что это, конечно, не так.

Здесь не было окон, но дневной свет проникал через узкое отверстие в центре шатровой крыши. Под ним, в глубокой каменной чаше, собирались земные слезы бога – дождь и снег. Тит опустил руки в холодную воду, обтер лицо, а после положил в чашу клинок.

«Все они хотят нашей крови».

Тит закрыл глаза и вспомнил, как вот так же, на коленях, стоял в кругу других богов. Тогда он, маленький чумазый калахатец, сбежал из королевства. Мегрия украла у него все – дом, родителей, громкое имя. Шегеш подарил новую жизнь. Князь Абелард позволил ему остаться в Горте и воспитал вместе со своим сыном. Тит был человеком, но воронья вера приняла его как родного – он до сих пор помнил вкус крови на языке и обеты, которые давал в Митриме еще тогда, когда тот был Равнскёгом. Пение дана, заветы и шелест перьев в огромных черных крыльях.

Тит посмотрел на статую, но лица Слепого бога не увидел. Ему чудились пустые глазницы Генриха, развороченная грудина Норвола, кровь, запекавшаяся вокруг рта Абнера, тело Якоба, распятое на плоту. Люди, повенчанные со смертью его рукой. И, наконец, Рунд – самая большая жертва.

«Если ты и впрямь умеешь плакать, бог, поплачь заодно и обо мне». Тит прикрыл веки и сидел молча, не двигаясь и слушая, как падают в чашу редкие дождевые капли. Ему нечего было сказать Слепому богу.

– Сегодня казненные не прошли через мой храм.

Тит с трудом заставил себя подняться на ноги. Перед ним, спрятав ладони в широких рукавах, стоял яграт. Ростом он был ниже Тита, и лысая макушка блестела, как будто молеца натер ее жиром. Тит взял меч, вытер его о штаны и вложил обратно в ножны.

– Да.

– И ты позволил умереть им как безбожникам.

– Да.

Татра сливалась с полумраком, и казалось, что в воздухе парит одна только голова яграта. Глаза, подведенные углем, не мигая, рассматривали Тита, и тот ответил таким же пристальным взглядом. Ноздри старика хищно раздулись, но лицо осталось бесстрастным.

– Ты ничего не боишься, Тит Дага. Человек, у которого нет страха, опасен. В первую очередь для самого себя, потому как не знает, что ему следует делать, а что нет. Ты понимаешь меня?

Вместо ответа Тит двинулся к жаровням и принялся растирать руки над углями. Пальцы свело в холодной воде, и теплый воздух медленно их отогревал. К тому же так яграт не мог увидеть улыбку на его лице. Угли мерцали – алые, оранжевые всполохи посреди человеческого и вороньего праха. Тит слышал, что чероги видят в огне будущее людей – но ему это не было нужно. Он и так знал, чем все закончится.

– Яграт угрожает мне перед лицом Слепого бога?

Когда Тит обернулся, то обнаружил служителя на том же месте, у чаши. Он набрал воду в пиалу и теперь шептал над ней священные слова. Закончив, протянул ее Титу:

– Не в этот раз. Пей.

Тит снова встал на колени, принял пиалу из сухих горячих рук. Когда она опустела, наклонил голову, чтобы получить благословение. Яграт заговаривал его душу – иди, Тит Дага, собирай кровавый урожай! Каждый человек нужен Слепому богу, даже такой, как ты.

Земля была твердой и холодной, молитва – долгой и тихой. Все это время Тит неотрывно смотрел на собственные ладони – мозолистые, короткопалые, покрытые шрамами и ссадинами. Люмина перед его носом качалась, окутывая дурманящим дымом. Когда яграт закончил, он снова поцеловал сульд и встал, чтобы поскорее выбраться отсюда. Но молец внезапно вцепился в него своей птичьей рукой.

– В первый и последний раз я простил твою оплошность. Ты сын нашего храма, и наш отец милосерден. – Яграт позволил себе снисходительную улыбку. – Но милосердие его не безгранично. Если тебя тревожит совесть, можешь рассказать обо всем мне. Исповедь – первый шаг к покою и спасению.

Тит покачал головой. Глаза заслезились от дыма, и лицо яграта расплылось, растеклось, превратилось в блеклое слепое пятно. Вот бы оно и вовсе исчезло.

– Совесть – это роскошь, которую не могут позволить себе убийцы и предатели. А когда человек является одновременно и тем и другим, она ему вовсе ни к чему. Спасибо за молитву, яграт. В следующем доносе королю ты уж постарайся подробно расписать все, что сегодня произошло. Так, чтобы у Абнера не осталось ко мне никаких вопросов.

####

Дорога до Горга отняла у Тита последние силы. Дождь прекратился, и посреди поля дымили костры. Стражники сгрудились вокруг них, как стервятники, и передавали по кругу бутылку с сивой водой. Заметив Тита, попытались ее спрятать, но тот даже не замедлил шага. Ублюдки есть ублюдки – другие у Тита не задерживались.

Горная гряда вгрызалась в небо кривыми зубами-вершинами. Из Митрима выехали разведчики, и Тит расслышал пение рога – значит, все спокойно. Спокойно было уже больше десяти лет. На смену вернувшимся от замковых ворот выдвинулись несколько всадников, и их кони понеслись сквозь туман. Солнце тускло светило в разрывах туч – еще пара часов, и начнет смеркаться. Тит подумывал о том, чтобы провести эту ночь вне стен замка, но усталость взяла верх. К тому же ему очень, до зубовного скрежета, хотелось выпить.

Во дворе толпились воины: расседывали лошадей, перебрасывались шутками – но замолкли, едва показался Тит. Переглянулись между собой, и он привычно сделал вид, что ничего не заметил. Прошел нарочито медленно и остановился, только когда приблизился к

кузнице. За спиной его снова раздался смех. Звуки кузнечного молота странным образом пробуждали воспоминания, хотя именно сегодня Тит желал бы обо всем забыть – но нет же!

Здесь. Или там? Тит потер виски. Память, выравленная вином, начинала играть с ним в дурные игры. Раньше Тит точно помнил, где именно стоял во дворе, когда передавал свою дочь королевским всадникам. Передавал – предавал. Он зажмурился, желая вернуться в тот момент.

На мгновение Титу показалось, что из его руки выскользнула маленькая потная ладошка. Он отступил на шаг – видение было слишком живым. Волосы Рунд взлетали с порывами ветра, и каждый раз, когда она оборачивалась, Тит вздрагивал. Заплаканное лицо дочери скривилось, покраснело. Рука на ее плече сжалась – пора.

– Тебе там будет хорошо.

Одна ложь сменяла другую. Рунд ему не верила – он видел это по взгляду единственного глаза. Хуже того – Рунд начинала его ненавидеть. Годы, проведенные в Паучьей крепости, должны были только укрепить это чувство.

За время лордства в Горте Тит так и не смог привыкнуть, что замок теперь принадлежит ему. Такого же мнения придерживался и сам вороний дом – он не любил Тита и не принимал его, как раньше. Крошились под ногами ступени, обваливались потолочные балки. Внутри расплозились гниль и плесень, и сырой воздух давил на грудь каменной плитой. Смех исчез, на его месте поселился страх. Не замок – могильник. Тит старался уходить в разведку чаще других, а летом ночевал на сеновале рядом с конюшнями. Однако призраки следовали за ним повсюду, куда бы он ни шел.

Горт привели в порядок – весь, кроме сгоревшей пристройки, – но Багрянец оставил на нем несмываемый след. Зло нашло дорогу в замок и не пожелало уходить. На Тита коротко глянула служанка, набиравшая воду из колодца, и тут же опустила голову. Они называли его милордом, когда он на них смотрел. И Падальщиком – стоило только отвернуться. Но Тит не обижался. На их месте он придумал бы себе худшее прозвище.

Тит выбрал для себя одну из гостевых комнат – спать там, где жил Норвол, оказалось отвратительно. Тит пробовал, но ему постоянно мерещились покойники, заползающие в постель, их холодные жадные руки и знакомые голоса. Здесь же окна выходили на пустошь и тракт, и ни один дух его не беспокоил. Тит подергал пыльный балдахин – никто без прямого указа не решался наводить порядок. Ну и пусть. Чаще всего между кроватью и полом Тит выбирал последнее.

Слуга разводил огонь в камине, пока Тит перебирал бутылки с выпивкой. Их у него имелось несколько десятков – каждая под особое настроение. Сегодня, когда казненный Грег так неудачно растревожил память, Титу потребовалась сивая вода.

Он сел на медвежью шкуру, стащил сапоги и вытянул ноги поближе к огню. Слуга, чьего имени Тит не помнил или вовсе не знал, неуверенно топтался рядом.

– Ужин, милорд?

Тит откупорил бутылку и сделал глоток. Мужичок под его пристальным взглядом скукожился и сделался еще меньше ростом. Тит хмыкнул.

– Почему ты не смотришь мне в глаза? – Слуга дернулся, будто Тит его ударил. – Скажи честно. Я ничего тебе не сделаю.

Мужчина застыл. Взгляд его скользнул по ножнам, которые Тит оставил висеть на поясе, и беспокойно вильнул в сторону.

– Милорд...

– Ну что ты блеешь, как баран. Скажи толком – почему?

Лицо несчастного побледнело – здесь, среди сумрака и теней, он походил на одно из привидений Горты.

– Ладно. Ужин не требуется. В такие дни я не ем, пора уже запомнить. Очищение души и тела, ла-ла-ла. Надо чаще бывать в храме – зря его, что ли, король построил? Пошел вон.

Приказывать дважды не пришлось – дверь поспешно захлопнулась за спиной слуги, оставив Тита в одиночестве. То есть в самой прекрасной компании. Он отпил еще сивухи и во весь рост растянулся в густой шерсти. Со стен на него безразлично глядели мертвые головы оленей и кабанов.

«Даже вы умерли. Не замок, а склеп, – подумал Тит. – Отчего же я остался жив?»

– Ты наверняка слышишь меня, старый ворон. – Тит облизал кислые от вина губы. – Слышишь и проклинаешь за себя, за своих сыновей. Смотришь на меня, как эти отрубленные головы. Осуждаешь, – подавив икоту, Тит засмеялся. – А вот вам всем мой ответ, вот! Иначе я не мог, понимаешь, ты, дурак? – Показав в темный потолок средний палец, он немного успокоился. – Сам виноват. Ты виноват сам. Я жертва, мать твою растак. Жертва! А вам повезло больше, вы умерли.

Они умерли – конечно, умерли, и все же остались в темных холодных коридорах. Их голосами говорил ветер, задувающий сквозь щели между камнями. Они смотрели глазами ночных птиц, гнездящихся в заброшенных башнях-близнецах. Иногда Титу казалось, что он сходит с ума – таким явным было присутствие тех, кого он не смог спасти. По его приказу слуги закрыли дальние коридоры и все спальни, в которых прежде жили вороны. Пока рядом с ним была Рунд, Титу было легче, но Рунд у него отняли.

Титу было жалко всех. Норвола и Анели, убитых в собственной постели. Генриха, чьи глаза выкололи, а шею разрезали от уха до уха, выпустив всю колдовскую кровь на грязную землю. Якоба, нашедшего свой конец в руках горцев. Рунд, которую лишили детства и надежды. Но больше всего Титу было жаль себя.

Тит остался жить в комнате, увешанной охотничьими трофеями. И каждый раз, глядя на головы убитых зверей, напоминал себе, что самый страшный зверь здесь он – не они.

Прежде чем в дверь постучали, Тит успел прикончить одну бутылку и откупорил другую – с добрым вином из вороньего погреба.

«Из моей пыточной», – мысленно поправил он себя. Тит выудил из-под кровати серебряную чашу, поплевал в нее, обтер рубашкой и наполнил до краев.

Стук повторился.

– Входи, чтоб тебя.

Через порог, поморщившись, переступил наместник – Джерди Той, присланный королем Абнером в помощь новому лорду семнадцать лет назад. Калахатец оказался умным и расторопным, и Тит даже мог назвать Джерди приятелем. Не другом, нет. Но так даже лучше, особенно для Джерди. Так уж получилось, что Тит поучаствовал в смерти всех своих друзей. «Опасная, гнусная мразь».

Темные глаза наместника обшарили комнату и не обнаружили ничего интересного.

– Притащил бы девку, что ли. Напиваешься один, выглядишь как бродяга – на лорда ты похож меньше, чем твой слуга Гореш.

– Так вот как его зовут. – Тит поднял чашу, приветствуя Джерди. – Присоединишься?

Сам-то Джерди выглядел как лорд – в своем черном камзоле, с серебряной цепью на груди и рысью, вышитой золотыми нитями. Если Тит оставался сухощавым и поджарым, как охотничий пес, то приятеля годы округлили, добавив к низкорослой фигуре небольшой пивной живот и бока. Волосы Джерди заплетал на калахатский манер, и смоляные косы доставали ему до пояса.

Воин – не простой человек.

– Не сегодня. – Джерди протянул Титу запечатанные сургучом письма. – Я прибыл из Амада, помнишь? – Тит кивнул. На самом деле он начисто забыл даже о том, что Джерди отправлялся в столицу Мегрии. – Представляешь, Абнер казнил весь свой Совет разом – сам

видел! Старики теперь болтаются на веревках голышом и воняют, как твой горшок. Их потащили прямо с заседания. Должны были рассматривать финансовые вопросы, но вместо этого король притащил ворона – настоящего ворона! – в Залу и обвинил Десять пердунов в заговоре против короны. Каково, а?

Тит поболтал вином в чаше. Хорошо бы его подогреть, но сойдет и так.

– Такую новость надо запить, – сделав последний глоток, Тит отставил пустую чашу. – И желательнее не одной бутылкой. Я так понимаю, у Абнера появились ко мне претензии?

Джерди пожал плечами. Отыскав единственный приличный стул, он подтащил его к камину.

– А ты почитай, милорд, вот и узнаешь.

Тит вскрыл первый конверт и фыркнул.

– Нет, сегодня вечером я обязательно напьюсь.

– Так ты уже. – Джерди указал на пустую бутылку из-под сивой воды и ее сестер, валявшихся неподалеку.

– Да брось, меня не так легко одолеть. – Тит пробежался еще раз по строкам и засмеялся. – Ну ты только послушай! Король Веребура обратился за помощью к Трем сестрам. Ему внезапно понадобились корабли. Боевые, а не торговые. И те сразу же побежали его сдавать Мегрии. Грядет война!

– Нашел чему радоваться. – Джерди кивнул на второй конверт. – Ну а там что?

Тит поднес письмо ближе к свету – на этот раз почерк оказался не королевский. Тацианская вязь, которую он не видел уже несколько лет. И рад бы не наблюдать еще столько же, но боги никогда не были милостивы к Титу. Ему понадобилось несколько минут, прежде чем он снова смог заговорить. Голос сел, и язык едва ворочался, касаясь пересохшего нёба.

– Это из Паучьей крепости.

Джерди, ковырявший столешницу, замер. Моргнул раз, другой, точно испуганная птица.

– Неужели?..

– Да. Отряд выехал два месяца назад с королевским поручением. И с моей дочерью.

Рунд едет сюда – Тит ждал и одновременно боялся этого так долго, а сейчас, когда она и вправду отправилась домой, ничего не почувствовал. «Домой, скажешь тоже».

Тит аккуратно сложил последнее послание и посмотрел на Джерди. Тот, поняв все без слов, встал и заторопился.

– Пожалуй, пойду. Посмотрю, сменился ли караул. Тревожные новости приходят со всех сторон, а я еще даже не ужинал.

Ходил Джерди забавно – вразвалку, точно медведь. Улыбался чаще, чем Тит, но из них двоих сердце было только у одного. Тит смотрел, как Джерди, отряхиваясь, торопился покинуть комнату. У двери, однако, он остановился и обернулся.

– Уверен, Рунд все поймет. Она выросла, Тит. Поймет и простит.

– Конечно. – Тит постарался, чтобы голос его звучал уверенно. – Она поймет.

«Да так, что придется запираться на ночь двери и спать в обнимку с боевым топором, ожидая прощения».

Когда Джерди ушел, Тит пнул ногой бутылку, и та, опрокинувшись, окрасила деревянные половицы в цвет крови.

Глава 6

Кровь от крови

орлинка отцветала, и красные лепестки осыпались с высохших стеблей. Пахло медом, пылью, кровью и потом. В воздухе кружились прекрасные белые птицы – в империи их звали воллы, что означало – «свободные». Свобода здесь и впрямь была только у тех, кто мог летать. Солнце ласково припекало в спину – еще один славный день позднего лета. Рунд лежала на песчаной земле, боясь дотронуться до перебитого колена. Ее мучители стояли рядом, выкрикивали насмешки и ждали, когда же она поползет прочь. Тогда они догонят ее и снова избьют. Рунд глотала тихие злые слезы, но двигаться больше не могла, да и не хотела. Умереть в такой прекрасный день казалось не так уж и плохо. Отец бы ею не гордился, да и пошел он. Подумав про Тита, Рунд слабо пошевелила пальцами и поднесла их к глазу. Кожу с них местами содрали, в раны набились песок и мелкие камни.

– Вставай, маленькая леди. – Рослая темная фигура загородила солнце, и Рунд поспешно закрыла глаз. – Думаешь, раз на тебе дорогие цапки, а твоя одежда чище нашей, так ты лучше? Вставай!

Лысый курносый мальчишка с забавно оттопыренными ушами, чье имя Рунд не успела узнать, протянул к ней руку, и она вцепилась в нее зубами. Так сильно, что свело челюсть.

– Ах ты дрянь! – Он ударил ее укушенной рукой по лицу и поднял палку. У них у всех были палки – тяжелые, норовящие выскользнуть из неумелых рук. Рунд, никогда не учившаяся сражаться, свою сразу же уронила. Сдалась без боя, как любил говорить своим воинам отец.

– Может, она хочет, чтобы мы ее прикончили. Но так неинтересно. – Разочарованный голос принадлежал белобрысой девочке, на вид младше Рунд. Младше, но крепче, жилистее, и у нее было два глаза. Два целых глаза – вот где удача. – Уродка. Наша леди – уродка, – добавила девочка и плюнула в Рунд.

Остальным это показалось веселым, и плевки последовали один за другим. Некоторые оседали в пыли, но большинство из них все же достигали цели. Налетел ветер, и десятки алых, точно кровь, лепестков взвились в воздух. Несколько месяцев назад Рунд отрывала бутоны от подаренных ей роз, и вокруг толпились слуги, которые пожелали с ней проститься.

– Ты смелая девочка. Ты обязательно вернешься домой. – Тит положил руку на ее плечо и сжал до боли. Но его выдали глаза, полные страха. Отец в это не верил, и она бросила розы ему под ноги: «Ты трус!» Случилась беда, и никого не было с нею рядом.

Не выдержав, Рунд разрыдалась – громко, жалобно, под смех улюлюкающей детворы. Горе сосало под ложечкой, и сердце ныло не переставая. Боль в теле не могла сравниться с болью в душе.

– Эй, что это вы здесь устроили, недомерки?

Рядом выросла еще одна тень, выше других. Размазав кровь и грязь по лицу, Рунд посмотрела на надсмотрщика – мальчишку на пару лет старше, рыжего, как пламя, с покрасневшим от гнева лицом. Но даже краска на впалых щеках не могла скрыть миловидность и тонкость черт. Рунд стало стыдно за себя и то, что ее так просто одолели. И особенно стыдно за то, что она, раскорячившись, лежит и не может сама за себя постоять.

– Мы должны помогать один одному. Если нас будет мало, старые боги тьмы победят и скверна захватит мир. Мы не враги друг другу! А ну, – рыжий повернулся лицом к притихшим детям, – попробуйте выбить палку из моих рук!

Никто не сдвинулся с места. И девочка, первая плюнувшая в Рунд, хмыкнула.

– Кажется, у леди завелся преданный пес. Пойдемте. В следующий раз мы ее достанем. Не сможет же он все время бегать рядом с ней. – Последнюю фразу она произнесла громко, чтобы Рунд услышала сквозь гул в побитой голове.

Когда последний из оборванцев скрылся из виду, мальчик, неожиданно вставший на ее защиту, наклонился и, нахмурившись, потряс ее за плечо.

– Эй, меня зовут Бёв. Не бойся, вставай, нужно отвести тебя в лазарет. Да вставай же!

Рунд вздрогнула и очнулась в провонявшей кислым потом комнате. Пустошь исчезла, но рука на плече никуда не делась. Язык во сне прилип к засохшему нёбу. Горло саднило, и очень хотелось пить. Не поднимая века, Рунд протянула руку, пытаясь нащупать брошенную на пол флягу, но наткнулась на холодную босую ногу.

– Да просыпайся, ну!

Проморгавшись, Рунд увидела плавающую в полумраке свечу и бледное встревоженное лицо Кации. Оглянулась – Бёва рядом уже не было, осталось только смятое и еще теплое одеяло.

– Что происходит? – Дышалось с трудом, и тяжелый липкий сон никак не хотел ее отпускать. Во рту появился металлический привкус. Рунд провела ладонью под носом и с удивлением обнаружила на пальцах темные капли. – Что ты здесь делаешь?

Вместо ответа Кация подобрала разбросанную одежду и бросила ее на постель.

– Девка вздумала рожать и вот-вот отойдет к праотцам. Вставай.

Спросонья Рунд не поняла, о какой девке говорит Кация, а после скривилась.

«А мы здесь при чем?» – хотелось спросить Рунд, но Кация уже поспешила прочь, звучно шлепая по полу. Приоткрытая дверь впустила в комнату встревоженные голоса, всхлипы и далекий крик роженицы. Нога после сна одеревенела, и пришлось долго массировать мышцы, разминать их и договариваться с болью. Порывшись в мешке, Рунд отыскала ус. Один комок засунула под язык, другой взяла с собой. Подумав, прихватила еще один нож, побольше, и стянула с матраса серую простыню.

«Зачем мне все это?»

«Ты дала клятву, – сказала бы Дацин. – Помогать каждому человеческому существу – врагу или другу».

«Как мне надоели ваши клятвы».

Рунд принимала роды не один раз, но тогда рядом с ней находилась наставница Дацин. Эта молчаливая суровая женщина выбрала в помощницы только ее одну – из двадцати девочек, мечтавших стать ценотами, лекарями. Бросила на Рунд внимательный короткий взгляд и сдавила подбородок сильными пальцами.

– Подойдет эта. Смерть ее боится – видишь, отступилась и оставила напоследок отметину? Она сможет помогать появляться новой жизни в этом мире. – Наставник Гатру молча покивал и на прощанье отвесил Рунд затрещину.

«Помни, о чем я тебе говорил, – прошептал он ей, когда Рунд проходила мимо. – Заставь их поверить в твою слабость».

Дацин не была лысой, как прочие наставники, и, уж конечно, не обладала боевой сноровкой, но боялись ее куда сильнее, чем всех остальных в Паучьей крепости. Наверное, из-за глаз – настолько светлых, что зрачки казались черными тоннелями, прорытыми прямо в белках. А еще из-за тяжелого взгляда и ударов палкой, на которые Дацин никогда не скупилась.

Рунд она лупила как минимум дважды в неделю – за малейшую провинность.

«Я кую твою волю, девочка», – любила повторять наставница в перерывах между ударами.

В комнате было жарко от разведенного очага. В котле под пристальным взглядом Кации закипала вода. Девица, раскинув ноги, лежала на дощатой кровати и вопила в потолок. Оттуда на нее молча взирал оберег – соломенный паучок, и на каждом из его сочленений болталась связка перьев. Рыжеватые воробьиные, длинные вороны, куриный пух, украшенный бусинами. Яграт подпирал стену и не сводил взгляда с языческой твари. Мать девушки опустилась на колени и держала в своих красноватых ладонях руку дочери. Отца Рунд встретила в коридоре – он истуканом стоял во тьме и при виде ее поспешно опустил глаза. Никто ни о чем ее не просил, но Рунд этого и не требовала.

Горели с десятков свечей – на широком столе, подоконнике и на полу. Тени нервно сновали по бревенчатым стенам, и комната казалась горнилом, в котором ковали страдания и боль.

Кация вылила в глубокий таз исходящую паром воду и взялась за нож. Чистое полотно трещало, расходясь на части.

– Где Бёв и Шим?

– Бёв внизу, успокаивает лошадей. А Шим отправился за травой – трактирщик сказал, что в этом лесу растет ус.

Рунд подошла к кровати и пощупала потный лоб. Ладонь обожгло лихорадочным жаром, девушка ошалела от боли, и взгляд голубых глаз бессознательно метался из угла в угол. Вряд ли она понимала, что происходит вокруг. Светлые пряди прилипли к мокрому лицу и шее, и в них запутался сульд, повешенный на кожаный шнурок. Слепой бог не торопился спасти ее душу.

– Дураки оба. Откуда в Митриме взяться усу? – Рунд достала из кармана мятый красный комок и, зажав пальцами нос, затолкала его в рот девушки. Ум и Шим – эти вещи никогда не пересекались. – Как зовут?

Женщина не сразу поняла, что Рунд обращается к ней, а после уставилась глазами и пробормотала что-то себе под нос.

– Громче!

– Меня? Тея.

– Ее, тупица. Как зовут твою дочь?

Губы трактирщицы задрожали.

– Леда.

– Эй. – Рунд повернулась к яграту и показала на изголовье кровати. – Встань здесь и шепчи свои бестолковые заветы. Живее!

Яграт вздрогнул и еще сильнее вжался в бревенчатые стены своим щуплым телом.

– Они староверцы. Птичьи поклонники. Я не буду призывать сюда своего господина.

– Да чтоб тебе провалиться на этом самом месте! – Рунд коснулась шеи Леды, потом достала нож и наставила его на мольца. – Или подойдешь сам – или приволоку за шкуру. Ты видишь на ее груди сульд? Тогда встань здесь и бормочи все, что полагается. К утру девка испустит дух, но я попытаюсь спасти ребенка.

Услышав ее слова, женщина разразилась громким плачем и еще крепче вцепилась в тело своей дочери. Рунд мотнула головой, и Кация, подхватив под мышки трактирщицу, поволокла ее прочь. По пути Тея вырывалась и награждала тацианку ударами, а напоследок даже укусила за руку.

– Пусти! Пусти меня к дочери!

С трудом вытолкав женщину в темный коридор, Кация захлопнула дверь и подперла высоким табуретом. Яграт, не отводя взгляда от ножа, пробрался к кровати и вцепился в свою татру, как будто боялся, что ее с него стащат. Зажмурившись, он начал что-то напевать, и Леда на время вынырнула из забытья. Лихорадка путала ее сознание, и она явно приняла Рунд за кого-то другого.

– Нет, – тонкие пальцы крепко обхватили ее запястье, – пусть он замолчит. Пусть он замолчит. Позовите Мартина, пусть он придет! Позовите Мартина! Он поможет принять роды. Мой ребенок... Кровь от его крови...

– Молчи, дура. – Рунд вырвала руку, задрала подол ночной рубашки и положила руки на большой живот. Ее собственные волосы лезли в глаз, липли к щекам. Пот стекал по шее и щекотал ключицу. – Никакого Мартина здесь нет.

От воя у Рунд заложило уши, и она ввела руку в матку, чтобы проверить – да, все так и есть. Маленький убийца захотел появиться на свет задницей вперед. Рунд подумала, что на его месте попыталась бы умереть еще в материнской утробе. Ничего хорошего младенцам мир предложить не мог.

– Кация, помоги ее перевернуть.

Вдвоем они заставили девушку встать на четвереньки², но это нисколько не облегчило ее судьбу. Дацин говорила, что смерть многолика и узнать ее не так просто. К каждому она приходит в свой час и в том виде, который человеку более приятен. Смерть не пугает – она уговаривает, заманивает и уводит с собой за великую Стену.

К Леде она пришла давно, в ту самую минуту, когда та зачала ребенка.

---

² Повитухи в Тацианской империи прибегали к подобной практике, чтобы принять тяжелые роды (например, когда ребенок неправильно располагался в утробе матери).

– Не тужься! – приказала она Леде, но та наверняка ее не услышала. Ус взял боль под уздцы, но целиком вряд ли забрал. Слишком худая, слишком узкие бедра – такой и рожать-то нельзя. Рунд закусила губу и впервые искренне помолилась всем богам, которых знала.

Осторожно нащупала подмышку младенца и, уже заранее зная, что ее решение не принесет спасения, осторожно перевернула плод внутри. Не слишком умело – и по рукам тут же потекла кровь.

– Кация, положи ее на спину. Дай мне нож.

– Полить его горячим вином? – голос тацианки не дрожал, она с любопытством и неодобрением рассматривала стонущую девушку. Та скользила руками по кровати и не переставая шептала имя своего любовника.

– Не надо. Ты, – Рунд дернула дрожащего яграта за рукав, – начинай отмаливать ее грехи.

Плоть разошлась под клинком, и девушка закричала – так могли вопить темные духи, изгнанные с земли Слепым богом. Этот крик врезался в сердце и заглушил мысли Рунд. Она сжала зубы, и Дацин, которой уже не было в живых, одобрительно похлопала ее по плечу.

Ребенка Рунд вытащила трясущимися руками. Окровавленный, сморщенный комок поторопился сообщить миру о своем появлении и завопил так же громко, как до этого кричала его мать. Рунд даже не потребовалось его шлепать. Она торопливо поднесла тщедушное тело к материнскому лицу и прошептала:

– У тебя родился мальчик.

Но Леда не дождалась этой радостной новости: глаза ее смотрели, не мигая, на паука, перебирающего в воздухе соломенными лапками.

Кация подала тряпку, и Рунд осторожно положила на нее мальчика. Жидкие черные волосенки прилипли к испачканной в крови коже, он плакал не переставая, и сучил ногами. Рунд осторожно сняла с шеи мертвой девушки сульд и положила его на крошечное тело. Яграт опустился на колени и нехотя взял в руки ладонь покойницы.

– Эй! – Стул, приставленный к двери, содрогнулся от сильного удара. – Может, впустите меня?

Пока Рунд обтирала кровь с младенца, в комнату вошел Бёв и остановился под пауком. Лицо его исказилось от ярости, волосы встали дыбом, а вымаранная в грязи рубашка лишилась одного рукава.

– Этот трактирщик спятил. Накинулся на меня с кулаками прямо во дворе, а жена его выскочила на улицу и побежала в сторону деревни. Она что, умерла? – Бёв ткнул пальцем в распростертую Леду. Постель утонула в крови, и издалека казалось, что девушку выпотрошили. Кация подняла с пола простыню, принесенную Рунд, и набросила на девичье тело.

– Как ты догадался, ума не приложу. – Рунд подняла на руки захлебывающегося в плаче ребенка. – Надо искупать заморыша. Передвиньте воду ближе к огню и подайте еще один таз. Его надо помазать.

Теплая вода заставила ребенка на время затихнуть. Рунд обливала крохотную голову из ковша и бормотала молитвы, пока яграта сопровождал дух Леды за Стену. Рунд не любила детей. В замке Тита их было много – дочери и сыновья кухарок и конюхов, громкие, непослушные, они днями носились по двору. Рунд пряталась от них на стене или в саду – залезала на деревья и наблюдала, как мелкая свора наворачивает внизу круги. Видела она и младенцев – они выскальзывали из утроб в ее руки или руки Дацин. Не нравился Рунд и этот мальчик, рожденный вне брака. Сморщенный, крикливый уродец.

Интересно, кем был его отец?

Кация пошевелила кочергой дрова, и пламя потянулось вверх, как будто желая разгадать загадку и дать ответ на вопрос Рунд.

«Они могут принимать разные обличья...»

Рунд протерла глаз – вероятно, от усталости и недосыпа ей привиделось. А потом осторожно, так, чтобы Кация ничего не заметила, повернула голову мальчика ближе к свету. Ноги ее онемели, а руки, сжимавшие щуплое тельце, задрожали. Младенец доверчиво смотрел на нее крохотными глазами – голубым, доставшимся от матери. И зеленым, перешедшим с кровью отца.

– Какая редкая удача!

Рунд вздрогнула – голос Бёва, раздавшийся у самого уха, напугал ее. Младенец едва не выскользнул в таз, и она поспешно прижала его к себе. Дыхание сбилось, а в груди неистово заколотилось сердце. Полукровка. Жалкий пищущий комок – полукровка. Скверна. Как она могла скрываться в создании, не успевшем произнести ни слова? И в чем его вина?

«Они могут принимать разные обличья. Могут быть уродами и красавцами, невинными и распутными. Их колдовство – тьма, и за тьмой они скрывают истинные лица. Их сила – в человеческой крови. Они столетиями поедали нашу плоть, обгладывали кости, чтобы напитать себя и своих богов. Скверна находит разные пути, чтобы проникнуть в этот мир. Жалость и соблазн – ваши первые враги».

Слова Гатру скрипели в голове, как и перо, которым Рунд записывала их на пожелтевшем пергаменте. Тахери шивали вместе листы с великими Речами. Писанием, согласно которому они, помазанники алой длани, дети двух солнц, должны были жить. И убивать. Это все казалось таким простым там, в сырой темной крепости. Но сейчас, когда тщедушное тело вороненка беспокойно дергало крохотными руками и ногами, Рунд не ощущала в себе никакой уверенности.

«Лицемерка». Недавно она вскрыла горло отцу и дочери, и кто знает, были ли они виновны в чем-то, кроме вороньей сущности? Милосердие для одного, смерть для другого. Так не бывает.

– Какая редкая удача! Нам благоволит сам Слепой бог. – Бёв обошел Рунд и остановился напротив. Теперь их разделял таз с розовой от крови водой, и пар поднимался, скрывая лицо друга за полупрозрачной пеленой. Но Рунд видела улыбку, скривившую тонкие губы Бёва. Ярость на его лице уступила место восторгу. – Полукровка, и такой невинный. Мы пришли сюда неспроста. Давай, – и Бёв протянул к Рунд руки.

Дрова трещали в камине, пот стекал по лицу Рунд, но, несмотря на духоту в комнате, ей стало холодно. Она замерла, не в силах выпустить младенца из плотно сплетенных рук. Бёв истолковал ее поведение по-своему и улыбнулся еще шире.

– Конечно, прости. Ты хочешь сделать это сама. Великая честь! Такого подношения Слепой бог еще не видел. Ты помогла ему родиться, тебе его и дарить. Я горжусь тобой. – Бёв приблизился, и его сухой поцелуй коснулся щеки Рунд. Лицо загорелось, как от удара. Впервые прикосновение друга вызвало у Рунд приступ дурноты. Мальчик, словно почувствовав ее смятение, снова закричал.

Бёв поморщился.

– Только быстрее. Нам еще надо отыскать Шима – он до сих пор не вернулся. И что-то мне подсказывает, что мать этой девки побежала в деревню не за гробовщиком.

Рунд обернулась – яграт прервал свою молитву и испуганно смотрел на нее. Чего он боялся? Что Рунд передаст почетное дело ему? Или того, что она может отказаться? Может, он усомнился в своей поганой вере? На мгновение Рунд показалось, что сейчас служитель подойдет и вырвет младенца у нее из рук. Но здесь, в пропитанной кровью и дымом комнате, не было места для милосердия. Рунд медлила. Кация удивленно приподняла бровь, а Бёв глядел с презрением – только не на нее, а на розовый пищущий комок.

«Чтоб у тебя, Тит Дага, отвалился хер, которым ты меня заделал».

Мальчик доверчиво протянул к ней руку, наверняка приняв ее за мать.

«Я тебе не мать, – со злостью подумала Рунд. – Мне никогда не стать чьей-то матерью. Ты ошиблась, тащианская шлюха Дацин: смерть не боится меня – она надо мной смеется. И пусть дикие псы по ту сторону Стены вечно глодают твои кости».

Младенец завопил, и этот крик вонзился в голову Рунд раскаленным прутком. Вонзился – и застрял там навеки.

Вода была обжигающе горячей.

####

Рунд вырвало прямо на выскобленный пол. Дрожащими пальцами она вытерла рот и, с трудом разогнув больную ногу, добрела до стойки. Смахнула на пол оставленные трактирщиком деньги и бумаги, подцепила кружку с остатками пива и прополоснула рот. Сплюнула и допила до дна. Зубы стучали о медный ободок, в глаз впивалась тупая боль.

Она это сделала. Она! Рунд затряслась, как при лихорадке, и ее снова скрутило пополам.

Трактирщик лежал на полу у дверей, покряхтывая и поджав под себя изувеченную ногу. Он даже не заметил, как они спустились вниз. Яграт неуверенно топтался рядом, впервые не бормоча под нос свои проклятые молитвы. Рунд подошла к окну и сорвала бычий пузырь – дохнуло свежестью, разгоряченное лицо окунулось в утреннюю прохладу. Дрожащими руками она убрала мокрые пряди волос с лица. Небо над зубчатой линией гор окрасилось в розовый, и звезды тускнели – светало. Рунд прислушалась к тишине, разлитой в рассветном воздухе, но со стороны деревни не доносилось ни звука. Только из труб поднимались дымовые завитки, и ветер шуршал прошлогодней листвой. Затишье. Не к добру.

Хотелось напиться, взять коня и бросить напарников разгрести разведенное ими дерьмо. Но Рунд не могла позволить себе такую роскошь. Она посмотрела на пальцы – чистые, без крови, они мелко тряслись, выдавая страх.

– Ты сын идиота, Бёв. Зачем нужно было его калечить?

– А что, я должен был позволить ему себя убить? – возмутился Бёв. – Он кинулся на меня с топором. А его девка понесла от ворона – да их всех здесь надо перевешать! – Парень подошел и пнул мужика по больной ноге. – И поджечь деревню со всеми, кто там живет. Неизвестно еще – может, они скрывают этого перевертыша, отца мелкого ублюдка, – услышав стоны трактирщика, Бёв осклабился, довольный собой.

Пощечина вышла достаточно сильной, и ладонь Рунд онемела. Она с удивлением уставилась на свою руку, а после – на покрасневшую щеку Бёва. Парень замер и удивленно посмотрел на Рунд. Сама не понимая, зачем ударила Бёва, она открыла рот, но не произнесла ни слова.

Куда, интересно, подевался тот деревенский добряк, никому не отказывавший в помощи и принимавший свое бремя как наказание, проклятие, а не честь? Рунд впервые поймала себя на том, что мальчик, которого она прежде знала, давно умер. Тот, кто стоял перед ней, никогда не подал бы руку девочке, наглотававшейся песка под ударами чужих палок. О нет. Он бы взял палку и умножил ее страдания.

– Да что на тебя нашло? – Слюна Бёва забрызгала ее щеку, и его красивые глаза превратились в свинячьи щелки. Он схватил Рунд за плечо и встряхнул. – Может, ты еще будешь оплакивать того мелкого сучонка?

– Это был ребенок. – Голос Рунд прозвучал неожиданно свирепо, и она замолчала, пытаясь удержать гнев. А после добавила: – Да, оскверненный. Но ребенок.

Кация хихикнула, как будто услышала хорошую шутку. Яграт сделал вид, что ничего не заметил, а Бёв потрясенно смотрел на Рунд, словно впервые ее видел.

«Да! – хотелось крикнуть ей. – Мы делили с тобой постель, но ты ничего обо мне не знаешь, как и все остальные. Ничего!»

– Что ты несешь?! Это была честь. Великое благо – для людей и даже для таких неблагодарных скотин, как этот, мать его, трактирщик со своей сраной женой. И дочерью-потаскухой, которой все равно, кого и от кого рожать. Ты тахери! Ты поклялась своей кровью и всем, что у тебя есть. Искоренять погань. Людоедов, язычников, безбожников. Они увели моих родителей, принесли в жертву младшего брата – а тому было три года! Он, – Бёв ткнул пальцем в мужика, который пытался вылезти на улицу, – пригрел бы этого выродка. И вырастил чудовище!

Рука Бёва сжалась на запястье, причиняя боль, но Рунд не торопилась его высвободить. Напротив – придвинулась ближе и усмехнулась, отчего лицо друга сморщилось от раздражения.

– Дурак ты, как есть дурак. Всем, что у меня есть, – да ничего у меня нет! Как и у тебя. И клясться мне было нечем. Что моя кровь – давай, пусти ее прямо здесь, я буду только рада!

– Хватит! – Кация протиснулась между ними и ударила Бёва по руке. – Прекратите! Вы понимаете, что Шим не вернулся? Нам надо его отыскать! И убираться отсюда. Не нравится мне здесь.

Не глядя на Рунд, Бёв отпустил ее и поднял с пола топор. Повел широкими плечами, неторопливо поправил съехавший набок ворот. Лезвие, испачканное в крови, качнулось туда-сюда, обещая выполнить любое поручение. Не в пример непослушной Рунд. Трактирщик обернулся и открыл рот, собираясь что-то сказать, но лезвие с хрустом вошло в спину, заставив передумать. Понадобилась всего пара ударов, чтобы утихомирить мужика, – Рунд считала. Не выпуская топориче, Бёв вышел наружу. Дверь, которую он с силой толкнул, с грохотом ударилась о стену. Кация цокнула языком и, достав из голенища широкий охотничий нож, подошла к раскоряченному, поломанному телу.

В ее коллекции еще не было голубых глаз.

####

Митрим впустил их в свое нутро, и дневной свет померк. Темные исполинские стволы неохотно расступились, давая им дорогу, и пуща заговорила сотней разных голосов. Одни заманивали, другие насмехались, прятались в высоких кустарниках, таились в плотно переплетенных друг с другом ветвях. Проклинали, жалели, уговаривали.

Рунд языка леса не знала, но его знал Тит. Знала его и Данута, полная диких историй и страшных сказок. Рунд верила в них, сидя в своей комнате, укрывшись мехами и глядя на пламя, гарцующее в камине. А после забыла. И теперь, стоя посреди вороньих угодий, ощущала легкое волнение, как будто встретила старого друга. Даже боль и отвращение отступили, стоило вдохнуть тягучий сырой воздух.

– Последний великан родился, когда на свете еще не было мегрийских богов, которых называют Праматерью и Праотцом людей, Старцем и Старицей, видевшими начало мира. Только старые духи владели пущей. Она покрывала землю, словно зеленое бескрайнее море, и волны ее бились о каменные великаны ноги. В те времена она охватывала все княжество, и звали ее Грённ, – костяшки на нити стучали, сдвигая соседок, и Данута причмокивала губами, будто пробовала каждую сказку на вкус – и те оказывались невероятно вкусными. – Тучи здесь висели так низко, что ни один луч света не мог пробиться сквозь них. Но солнце в ладони мегрийских богов стало погубелью великанов и превратило их в камень, а вместе с ними уничтожило и дивов, живущих в пуще. Остались только вороны, и вся зелень пущи ушла в их черную кровь. Глянешь такому в глаза – и сразу поймешь, чем был мир до пришествия людей. Обманом они победили: вышли навстречу королевским воинам в человеческом облике и погубили их.

– Вороны пили человеческую кровь? – Рунд дождалась, когда Данута повернет голову к ней. Было страшно смотреть в подслеповатый, затянутый пленкой глаз, и Рунд поежилась. – Говорят, они ели сердца людей.

– О нет, – ответила нянька и улыбнулась, как будто в этом было что-то смешное. – Они поедали только свои сердца. Сила передавалась с кровью, но шла от сердца жоака. С тех самых пор, когда первый ворон выклевал его у великого воина и получил способность обращаться в человека. От деда к отцу, от отца к сыну шло воронье сердце – сильное, смелое, колдовское.

– Это как?

Данута посмотрела на нее, и Рунд сделалось жутко от молочного тумана, клубящегося в ее глазу. Казалось, что оттуда, из-за пелены, за Рунд наблюдает кто-то другой, не Данута.

– Вальравны поедали их, вырезав из груди своих умерших князей. Иногда те были еще живы, а ритуал уже начинался. У людей власть передается с короной, у воронов более надежно – с сердцем, – скрюченными пальцами Данута коснулась ее груди. – Любой дурак, надев любую корону, может возомнить себя королем. Но только тот, в ком течет воронья кровь и кто съест сердце, полное древней магии, сможет лететь во главе стаи.

Рунд нашарила под рубашкой сульд, который ей дал молчаливый яграт. Пластинка, ничем не примечательная вещь, но отец сказал ее никогда не снимать. «Она защитит тебя от зла», – сказал отец. А кем были вальравны-людоеды, если не злом?

– Последний из Найтов убит идунами, сброшен в реку и сожжен. А пепел, в который обратились князь Норвол и его старший сын, развеяли по ветру. Сердце исчезло, дитя. Тебе нечего бояться.

####

Идол плакал кровавыми слезами. Одинокий, потерянный, притворившийся огромным валуном, он стоял в окружении сорной травы и растерянно держал в руках каменную чашу. Кто-то счистил с него мох и сорвал стебли выюнка, обнажив давно забытый лик. Подношения ему не принесли, однако же размазали краску под глазами и начертили на широком лбу символы, за которые король Абнер приказал отрубать руки по самые локти. Яграт застыл перед старым богом, и люмина, испускавшая сладковатый дым, тревожно замерцала.

– Я же говорил, что в этой деревне живут безбожники. – Бёв пнул сапогом каменный бок изваяния и насмешливо поглядел на Рунд. – Старую развалину надо бы разбить.

– По-моему, он сделан из гранита. – Кация осторожно коснулась разъявленного в безмолвном крике рта и тут же отдернула руку. – Какая гадость.

Но вороний бог не был страшен. Здесь, в глухом лесу, он был одинок и плакал по утраченным дням, когда ему поклонялись. Все хотят любви, даже такие страшные божества. Странное дело, но сейчас, в этом лесу, единственным близким созданием Рунд казался бог, лишенный имени.

– Пойдем. – Она отвернулась и потянула за собой лошадь. – Шим не мог уйти далеко. Найдем его и двинемся дальше.

– Ну уж нет. – Рука Бёва сдавила ее плечо – сильнее, чем обычно. – Мы повернем назад. Я не позволю, чтобы эти люди остались без наказания. А этот камень мы возьмем с собой, чтобы рубить на нем головы.

– Заманчивое предложение. – Кация провела рукой по узорам на голове и облизнулась. – Но дурацкое. Однако как ты себе это представляешь? Тащианские лошади, конечно, сильны, но не настолько, чтобы тащить эту махину до самой деревни. Поступим проще: сожжем вражьи языки, а пепел подарим яграту в Горте. Думаю, он обрадуется. Неловко приходиться в гости с пустыми руками.

Яграт, стоявший рядом с ними, поглядел на Рунд. Его губы беззвучно шевелились, но, как всегда, он решил оставить свое мнение при себе. Светлые глаза блестели так, словно парень собирался заплакать. Он охотно отмолит души всех, кого положат в битве Бёв и Кация. А она сама, конечно же, внимательно проследит за тем, чтобы каждого предателя как следует поджарили на костре. Прожевав последний кусок уса, Рунд зло сплюнула его в пустую чашу.

– Хорошо. Тогда нам нужно идти быстрее.

– Это еще почему? – Бёв отпустил ее, но продолжал пристально следить за каждым движением. Что-то непоправимо изменилось, и Рунд теперь не внушала ему доверия.

«Да и пес с ним».

– Потому что ты сын идиота, а в этом лесу любой оборванец сможет перерезать нам глотки быстрее, чем ты пернешь. Посмотри вокруг. Здесь день равен ночи, и никто из нас не знает никакой другой дороги, кроме той, на которой мы стоим. А эти люди живут годами на этой земле. И знают все тропы куда лучше нас.

Оставив последнее слово за собой, Рунд пошла вперед, подавая другим пример. Кация спорить не стала, только проверила, легко ли выходит оружие из ножен. Яграт послушно отдал Рунд люмину и сложил пальцы в молитвенном жесте. Рунд сомневалась, что тацианский бог имеет здесь какую-то власть, но спорить не стала. Бёв фыркнул и двинулся самым последним, беспечно напевая старую мегрийскую песню.

Было у меня три сына,
Один из них держал меч,
другой крепко сидел в седле.
А третий оказался слабым семенем из всех.
Первый погиб на ратном поле,
второго затоптала турнирная лошадь.
Третий снял мою голову,
чтобы отобрать мою корону.

– Тише! – Рунд обернулась, чтобы предупредить Бёва: в старой пуше не поют. Но опоздала.

Лес встревоженно зашумел. Зашуршал ядовитый копытник, начали перекликаться между собой говорливые птицы, выдавая их присутствие. Рунд остановилась и приподняла шар повыше, чтобы его погасить, но передумала. Кация же, потеряв терпение, оттолкнула ее и двинулась вперед.

– Шим! – громко окликнула она. – Где ты, Шим? Пора возвращаться. Мы знаем, что ты здесь! Шим!

В ответ на ее восклицание зашевелились лысые кустарники, и стая крошечных пищух, выпорхнув оттуда, расселась на ветвях осины, возмущенно чирикавая.

– Да заткнетесь вы оба или нет? – разозлилась Рунд. – Если он все еще здесь, то и так нас не потеряет: дорога в Митрима одна – и туда, и обратно. Пойдем дальше, вдруг Шим попал в неприятности.

Тацианка насмешливо фыркнула.

– Какая беда может случиться с таким, как он? Разве что кого-то прирежет втихую и станет развешивать кишки по кустам. Дай сюда эту штуку. – Кация протянула руку за люминой. – Пойду в заросли и найду этого засранца.

«Нет, – хотела сказать Рунд, – нельзя расходиться, так будет только хуже».

– Плохая идея, – опередил ее Бёв, – нам нужно держаться вместе. По крайней мере, сейчас. – Последняя фраза, очевидно, относилась к Рунд.

– Да пошел ты... – начала она, но закончить фразу не успела.

С той стороны леса, откуда они пришли, раздался рев охотничьего рога. Оглушительно воя, он выводил странную мелодию, значения которой Рунд не знала. Лошади испуганно захрапели и начали в беспокойстве топтаться на месте.

– Это что еще такое? – Бёв нахмурился и торопливо достал из ножен широкий тесак. – А ну-ка, сейчас мы надерем задницу этому шутнику.

Но не успел он сделать и пары шагов, как к первому трубачу присоединился еще один – на этот раз из тех самых зарослей, куда так торопилась попасть Кация. Яграт прижал руки к груди, но Слепой бог не смог бы отыскать их в Митриме, сколько ни молись. Рунд крепче вцепилась в уздцы коня, и тут следом за вторым рогом запел третий. Звуки множились, и птицы верещали, не понимая, что происходит в их тихих угодьях.

– Назад нам нельзя. – Рунд дернула Бёва за рукав. Тот напрягся, но не отмахнулся от нее. – Пойдем вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.